

Санкт-Петербургский государственный университет

ШКЛЯРУК Екатерина Ярославовна

Выпускная квалификационная работа

**Слово *ТАКОЙ* в свете процессов грамматикализации и
прагматикализации в русской устной речи**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.02.04 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5621. «Русский язык»
Профиль «Русский язык»

Научный руководитель:
профессор, кафедра русского языка
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Рецензент:
к. ф. н., научный сотрудник
Института Лингвистических
исследований РАН
Королькова Мария Денисовна

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЕДИНИЦА <i>ТАКОЙ</i> В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	12
1.1. <i>Местоимение как часть речи в русском языке</i>	12
1.2. <i>Место единицы <i>ТАКОЙ</i> в системе классификаций местоимений в русском языке</i>	13
1.3. <i>Речевые и синтаксические функции местоимения <i>ТАКОЙ</i></i>	14
1.4. <i>Выводы по разделу</i>	15
ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ (ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ, ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ, ИДИОМАТИЗАЦИЯ)	17
2.1. <i>Процесс прагматикализации</i>	17
2.2. <i>Процесс грамматикализации</i>	21
2.3. <i>Процесс идиоматизации</i>	24
2.4. <i>Выводы по разделу</i>	26
ГЛАВА 3. СЛОВО <i>ТАКОЙ</i> В СВЕТЕ ПРОЦЕССОВ ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ, ИДИОМАТИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ	28
3.1. <i>Материал и методика исследования</i>	28
3.2. <i>«Словарные» функции единицы <i>ТАКОЙ</i> в русской устной речи</i>	29
3.3. <i>Единица <i>ТАКОЙ</i> как прагматический маркер</i>	31
3.3.1. <i>Хезитативный маркер</i>	31
3.3.2. <i>Маркер-ксенопоказатель</i>	33
3.3.3. <i>Изобразительный маркер</i>	38
3.4. <i>Тенденция к идиоматизации сочетаний с единицей <i>ТАКОЙ</i></i>	41
3.5. <i>Единица <i>ТАКОЙ</i> в составе конструкций-коллокаций</i>	45
3.6. <i>Единица <i>ТАКОЙ</i> на шкале переходности</i>	48
3.7. <i>Количественная характеристика материала</i>	51
3.8. <i>Выводы по разделу</i>	52

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	55
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ	65

ВВЕДЕНИЕ

Устная спонтанная речь является наиболее естественной формой существования языка. Для носителей любого из мировых языков она является первичной по сравнению с письменной, ср: «в сношениях между людьми нет ничего, кроме звуков и действий» (Д. Дидро; цит. по: *Богданова* 2002: 14); «Язык создан прежде всего для устного употребления» (*Балли* 1955: 34); устная речь «есть первое и истинное состояние языка, и всякий язык раскрывается в своей полноте только в живом употреблении, в речи **говорящего** (выделение автора. – *Е. Ш.*) лица» (*Гумбольдт* 1960: 68); «устная речь является наиболее естественной формой существования языка, необходимой для его реализации» (*Девкин* 1979: 14); «Привычный взгляд *такой*: писаная речь – это дело серьезное, уважаемое. Произносимая речь – пустяковая вещь. Это как раз тот ложный взгляд, с которым надо расстаться. На самом деле звуковая речь “главнее” письменной. Каждый человек говорит больше, чем пишет (и обычно слушает больше, чем читает)» (*Панов* 1979: 4); «Письменный язык очевидным образом является трансформом устной речи. Все нормальные люди умеют говорить, но почти половина населения земного шара полностью неграмотна, и реальное умение читать и писать является достоянием едва ли не меньшинства людей на Земле» (*Якобсон* 1985: 317).

Традиционное языкознание долгое время было сосредоточено в первую очередь на языке в письменной форме его бытования. На основе изучения письменных текстов составлено большинство академических грамматик и словарей¹. Подобное превалирование письменной формы языка над устной в лингвистических исследованиях можно объяснить наличием большого объема материала (корпусов письменных текстов разного типа), в то время

¹ Шведский лингвист П. Линелл писал даже о «письменноязыковой предвзятости лингвистики», с настойчивостью утверждая, что лингвистика в очень большой мере ориентирована на письменную форму языка (*Linell* 2005), а Л. Блумфильд относил письмо к такому же вторичному разряду инструментов фиксации устной речи, как фонограф (*Блумфильд* 1968: 313). О разных причинах «несправедливого приоритета письменной формы языка перед устной в его научном описании», которые «коренятся в нашем языковом сознании, в устоявшихся представлениях человека о сущности языка», см. также: *Звуковой корпус...* 2013: 19-20.

как устная речь (УР) изучалась лингвистами, как правило, методом интроспекции (от лат. *introspecto* – ‘смотреть внутрь’), или самонаблюдения. Так, пометы *разг.* или *прост.* в академических словарях, которые призваны показать особенности разговорной речи или просторечия, присвоены авторами тем или иным языковым единицам на основе их (авторов) личных наблюдений или же на основе исследований, явно уступающих по объему материала исследованиям явлений письменного языка. Таким образом, подобные пометы не могут отражать полностью объективную картину существования различных явлений УР, ср.: «Лингвисты обычно делают утверждения о тех или иных языковых фактах, основываясь на данных письменного языка, предполагая, что это утверждения о языке вообще. Это совершенно неоправданно: истинность любого такого утверждения должна непосредственно проверяться на устном материале» (Кибрик, Подлесская 2009: 25).

Однако исследователи всегда отмечали важность изучения устной речи, ср.: «если и изучать какую-то грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого произносимого языка. Ведь изучение грамматики сводится к наблюдению над существующим в языке: наблюдать же можно только то, что хорошо известно, а вполне хорошо известен детям (да и взрослым) только произносимый и слышимый язык. Кроме того, наблюдать полезно то, что живет, так сказать, полной жизнью и свободно развивается – таков произносимый язык; язык же написанный является до некоторой степени мертвым языком и лишь насильно вталкивается школой в наши умы. Наконец, написанный язык живет не самостоятельно, а питается соками живого, произносимого языка – лучше же наблюдать источник жизни, нежели его наросты; к тому же в развитии произносимого языка участвуют силы всего народа, а письменного – лишь ничтожной его части» (Щерба 1957: 14). Такие размышления делают справедливой мысль Л. В. Щербы о необходимости «эмансипации от письменного языка и обращения к живой речи» (он же 1974: 144).

Таким образом, интерес к изучению устной речи, основанному на обращении к материалу «живого языка», с присущими ему особенностями и некодифицированными элементами², можно считать логичным и закономерным. О необходимости такого смещения интересов традиционной лингвистики довольно давно писали многие исследователи. Б. А. Ларин еще в 20-х годах прошлого столетия отмечал необходимость научной разработки языкового быта города и говорил, что подобное изучение не проводится широко и систематически, и «научная традиция в этой области еще не сложилась» (Ларин 1977: 191).

Активное изучение живой разговорной речи началось в конце XX века с работ О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой, Е. А. Земской и др., и это «перевернуло традиционное, идущее от Ф. де Соссюра (см.: Соссюр 1933), представление о том, что в центре лингвистического исследования находится язык как самостоятельная, относительно стабильная система, и заменило его представлением о том, что таким центром является язык как постоянно изменяющаяся система, самая суть которой заключается в ее бытовании в процессе использования, т. е. в процессе речевой коммуникации» (Звуковой корпус... 2013: 11).

Совершенно новым этапом для подобных исследований стало появление и развитие такой дисциплины, как *корпусная лингвистика* – «раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» (Захаров 2005: 3). Эти современные технологии записи речи, позволяющие фиксировать речь в подходящем для глубокого анализа на разных уровнях

² Ср.: «от современной разговорной речи в ее нейтральном слое невозможно (со стилистической точки зрения) отсечь обширный репертуар нелитературных и околотитературных – сниженно-обиходных, просторечно-профессиональных, жаргонных и полужаргонных средств» (Винокур 1988: 54); «Определение разговорной речи как непринужденной неофициальной речи горожан, не ограниченной рамками литературности (курсив мой. – Е. Ш.), в большей мере соответствует реальному месту разговорной речи в системе общенационального языка» (Сибирякова 1996: 115).

качестве, открыли возможность создания объемных речевых и языковых корпусов. Для русского языка можно выделить несколько таких собраний:

- устный подкорпус «Национального корпуса русского языка» (УП НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru>),
- «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» (<http://www.spokencorpora.ru>),
- корпус монологической русской речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о ней подробнее: *Звуковой корпус...* 2013; *Богданова-Бегларян и др.* 2017а, 2019а),
- корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) (см. последние работы о нем: *Русский язык...* 2016; *Bogdanova-Beglarian et al.* 2016 а, b; *Богданова-Бегларян и др.* 2017б, 2019б; и ряд др.).

Объектом настоящего исследования является русская устная спонтанная речь, организованная в корпус. **Предметом** исследования стала единица *ТАКОЙ* как результат процессов прагматикализации, грамматикализации и тесно связанного с ним процесса идиоматизации в русской спонтанной речи.

Источником материала для исследования послужил корпус повседневной русской речи «Один речевой день».

Цель настоящего исследования – анализ функционирования слова *ТАКОЙ* в свете активных процессов в русской спонтанной речи (грамматикализация, прагматикализация, а также идиоматизации).

Эта цель обусловила и список **задач**, поставленных и решенных в рамках исследования:

- 1) обзор научной литературы по теме;
- 2) анализ употребления слова *ТАКОЙ* в сочетании с различными частями речи и выявление его функций в каждом контексте;
- 3) построение шкалы переходности для слова *ТАКОЙ*: от его местоименных значений к грамматикализированным и прагматикализированным;

4) выделение устойчивых (идиоматизированных) употреблений слова *ТАКОЙ* в сочетании с разными частями речи;

5) количественная характеристика материала.

Методология данной работы обусловлена спецификой материала. Используются описательный метод (метод контекстного анализа), сопоставительный анализ, статистический метод, слуховой анализ.

Изучение функционирования слова *ТАКОЙ* в контексте активных процессов современного русского языка позволит не только дополнить описание этой единицы в новых словарях и грамматиках русского языка, но и рассмотреть особенности активных процессов, протекающих в устном дискурсе. В этом заключается **теоретическая значимость** данного исследования.

Практическая значимость работы состоит в том, что описание «поведения» в реальной повседневной речи слова *ТАКОЙ*, его детальный «лексикографический портрет»³, может быть включен в учебники русского языка как иностранного. Это позволит научить иностранцев лучше понимать живую речь носителей русского языка, и, следовательно, успешнее интегрироваться в культурную и бытовую жизнь русскоговорящего общества. Кроме того, результаты настоящего исследования могут быть полезны и в практике перевода: как для перевода русскоязычных текстов на другие языки, так и для адаптации переводов с других языков на русский.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости детального описания функционирования различных единиц в русской разговорной речи (создания их речевых «лексикографических портретов») и отслеживания актуальных процессов, происходящих в русской устной

³ Современные исследователи все чаще приходят к идее создания «портретов» изучаемых единиц (см.: Баранов и др. 1993; Левонтина 2000; Новый объяснительный словарь... 2003; Осмак 2012; Богданова-Бегларян 2014; Лю Даян 2018; Цуй Лили 2018 а, б; Капустина 2018; Богданова-Бегларян, Цуй Лили 2019а; и мн. др.). Принцип лексикографического портретирования был обоснован в монографии Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика», в которой автор исходит из убеждения, что «каждая лексема предстает как автономный и неповторимо своеобразный мир, который хотелось бы описать во всем его богатстве» (см.: Апресян 1995).

речи. В дальнейшем это может помочь при создании, например, словаря прагматем и грамматики разговорного языка.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении трех активных процессов современного русского языка на примере одной единицы. Такой подробный анализ позволит не только описать их специфические особенности, но и выделить взаимосвязь этих процессов на разных этапах развития языка.

Гипотеза исследования: в результате активных процессов, происходящих в современном русском языке, единица *ТАКОЙ* расширяет свои функциональные возможности. В повседневной (не только разговорной) речи она выступает не только в качестве местоименного слова, часто меняет свой статус и переходит на новые языковые уровни (коммуникативный, фразеологический).

Структура работы отражает ее содержание и включает в себя следующие разделы:

- 1) введение;
- 2) теоретическая глава;
- 3) исследовательская глава;
- 4) заключение;
- 5) список использованных сокращений;
- 6) список использованной литературы;
- 7) список использованных словарей и иных ресурсов.

Во *введении* обозначены цель, задачи и материал исследования, а также обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов анализа. Сформулирована гипотеза исследования и описана структура работы.

В *первой главе* работы рассматривается место единицы *ТАКОЙ* в системе русского языка, ее местоименные функции: грамматические, синтаксические, речевые. Сопоставлена теоретическая информация из авторитетных академических грамматик и словарей. Даны определения

понятиям *грамматикализация*, *прагматикализация* и *идиоматизация*.
Указаны особенности их развития в устном дискурсе.

Во *второй главе* описываются материал и методика исследования, а также последовательно излагаются особенности единицы *ТАКОЙ*, которые можно выделить на разных этапах исследуемых процессов.

В *заключении* подводятся итоги проведенного исследования.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на научных конференциях разного ранга:

1) XX, XXI, XXIII и XXIV Открытые конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, апрель 2017 г., апрель 2018 г., октябрь 2020 г., апрель 2021 г.);

2) Международные конференции молодых филологов (Тарту (Эстония), апрель 2016 г., апрель 2017 г., апрель 2018 г., апрель 2019 г.);

3) Международная конференция молодых филологов (Таллин (Эстония), февраль 2018 г.);

4) Международная конференция русистов в Барселонском университете «МКР-Барселона» 2018 (Барселона (Испания), июнь 2018 г.).

5) VIII конференция-школа Института языкознания РАН «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (Москва, апрель 2021 г.).

Результаты работы отражены в следующих *публикациях* автора:

1) «И он такой мне говорит...» – о местоименном прилагательном *ТАКОЙ* в русской спонтанной речи // Русская филология. 28. Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского ун-та, 2017. – С. 337-340.

2) Местоименное слово *такой* в номинативных сочетаниях: попытка функциональной классификации // Коммуникативные исследования. – № 2 (16), 2018. – С. 101-114.

3) Единица *ТАКОЙ* в русской спонтанной речи: на пути от значения к функции // Актуальные проблемы и перспективы русистики. – Барселона: Trialba Ediciones, 2018 – С. 1598-1605.

4) *Какой такой?* – об изобразительности в русской разговорной речи (на примере слова ТАКОЙ) // Русская филология. 30. Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского ун-та, 2019. – С. 293-298.

5) Об особенностях совместного употребления единиц ТАКОЙ и ЧИСТО в русской устной речи // Мир русского слова. – № 2, 2021. – В печати (прошла рецензирование) (в соавторстве с Т. С. Сулимовой).

6) Мультимедийные средства как дополнительный способ установления статуса речевых единиц // Анализ разговорной русской речи (АР³-2021). Труды девятого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. – СПб.: Политехника-принт, 2021. – В печати (прошла рецензирование) (в соавторстве с Н. В. Богдановой-Бегларян и Т. С. Сулимовой).

ГЛАВА 1

ЕДИНИЦА *ТАКОЙ* В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1. Местоимение как часть речи в русском языке

Традиционно единицу *ТАКОЙ* относят к классу местоимений, и описание ее в словарях и грамматиках строится на такой частеречной принадлежности.

Местоименные слова представляют собой особый класс слов в языке. Несмотря на то что данный класс не пополняется новыми единицами, описание его положения в структуре языка носит порой дискуссионный характер.

Местоимения – лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к конкретному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип соотнесенности слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус); к местоимениям принято относить только имена – существительные, прилагательные и числительные. Такое определение предложено С. А. Крыловым и Е. А. Падучевой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (Крылов, Падучева 2002: 294-295).

Характерным признаком слов, относимых к местоименным, является отсутствие какого-либо вещественного значения. Местоимения не называют предметы или признаки, а лишь указывают на них. Грамматически эта особенность выражена в отсутствии необходимости грамматической оформленности, так как местоименное значение выражено корнем слова (Камынина 1999: 125).

Описание характеристик класса местоимений в русском языке носит дискуссионный характер. Концепции, представленные в академических словарях и грамматиках, предлагают различные взгляды на место класса местоимений в системе русского языка.

Взгляды ученых формально-грамматической школы, таких как Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон и др., нашли отражение

в «Грамматике современного русского литературного языка» (*Грамматика...* 1970) и «Русская грамматика» (*Русская грамматика* 1980). В рамках этого подхода местоимение не рассматривается в качестве особой части речи. Местоименные слова оказываются «прикреплены» к другим знаменательным частям речи (*Богданов и др.* 2009: 243), внутри которых появляются особые разряды, такие как «местоимение-существительное» и «местоимение-прилагательное».

«Грамматика русского языка» 1960 г. (*Грамматика...* 1960) предлагает подход, при котором местоимение признается самостоятельной частью речи, наряду с существительным, прилагательным и др. Эта точка зрения на местоимение основана на выделении специфики лексического значения данного класса слов.

Существует также взгляд на местоимение, как на служебную часть речи. Его сформулировал Ф. И. Буслаев (*Буслаев* 1959: 116, 287, 317-321).

1.2. Место единицы ТАКОЙ в системе классификаций местоимений в русском языке

Существующие классификации местоимений в русском языке основываются на семантическом или грамматическом принципах.

Описание единицы *ТАКОЙ* в словарях также выделяет его различные особенности. Академические словари дают описание этой единицы, исходя в первую очередь из ее частеречной принадлежности.

«Словарь русского языка» (*МАС* 1999в: 334) описывает слово *ТАКОЙ* как *определятельное местоимение*, которое 1) употребляется как отвлеченное обозначение качества свойства, называемого, указываемого в предшествующей или последующей речи или устанавливаемого из каких-либо обстоятельств, ситуации, а также 2) указывает на большую силу проявления какого-либо свойства, качества, состояния.

«Словарь современного русского литературного языка» (*БАС* 1963: 58-59) определяет *ТАКОЙ* как *указательное местоимение*. Оно указывает на качество, свойства лица, предмета в значении ‘именно этот, равный этому

или тому, о чем говорилось в предшествующей речи', а также употребляется как слово, вводящее последующий текст, в значении 'именно тот, соответствующий тому, о чем будет сказано дальше'.

«Большой толковый словарь русского языка» (БТС 2000: 1303) описывает *ТАКОЙ* как *местоименное прилагательное* 1) в значении 'схожий с этим, подобный данному или тому, о ком или о чем говорилось', 2) которое выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки.

Словари разговорной речи, а именно «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химики (Химик 2004), не включают данную единицу.

Представленные в академических описаниях точки зрения по-разному интерпретируют особенности класса местоименных слов в русском языке, однако на их основании выделяются общие функции и особенности употребления местоименных слов, и слова *ТАКОЙ* в частности.

1.3. Речевые и синтаксические функции местоимения ТАКОЙ

При описании в академических изданиях выделяются следующие синтаксические и речевые функции единицы *ТАКОЙ*:

1) *дейктическая* (указание на условия речевого акта, соотнесение того, о чем говорится, с условиями речевого акта и его участниками),

2) *анафорическая* (соотнесение элементов данного высказывания с другими частями текста, отсылка к сказанному ранее),

3) *кванторная* (указание на тип предметной соотнесенности имени, т. е. соотнесение имени с различными классами предметов и их признаков, о которых говорящий хотел бы получить информацию) (Синько 2008: 88).

При этом данный набор функций, по мнению Синько, универсален и для письменной, и для устной речи.

Необходимо отметить и синтаксические особенности употребления единицы *ТАКОЙ*. Являясь местоимением, она помогает выстраивать текст, что реализуется благодаря своей ее функции. Отмечаются и формально-синтаксические особенности слова *ТАКОЙ*. Данная единица может

выступать в роли соотносительного слова в сложных предложениях местоименно-соотносительного типа (*Современный русский язык* 1989: 758). В. А. Белошапкина⁴ пишет, что местоимения выполняют функцию соотносительных слов, если они имеют значение отдаленного указания (*тот, туда, там* и др.) и не содержат указания на отдаленность или близость (*так, такой, столько* и др.) (*там же*: 759).

1.4. Выводы по разделу

Местоимение представляет собой особый класс, который оказывается довольно сильно «нагружен» тем, что названо *семантическим указательным значением*. Единца *ТАКОЙ*, подробно описанная словарями и грамматиками, разнообразные взгляды на класс местоименных слов, к которым ее относят, и вариативная частеречная соотнесенность, представленная в словарях, позволяют говорить о сложной грамматической природе данной единицы.

Представляется, что местоименная природа слова *ТАКОЙ* способствует его прагматикализации в спонтанной устной речи. Данная единица отличается своей «изменчивостью» в речи. «Русская грамматика» так характеризует данную единицу: «Местоименные прилагательные могут указывать на любой признак; их содержательное наполнение определяется в речи» (*Русская грамматика* 1980: 540). А. Р. О. Якобсон, опираясь на работы других исследователей, относил местоимения к так называемым *шифтерам* – подвижным определителям – и отмечал свойственную им контекстную многозначность (*Якобсон* 1972: 98).

Анализ теоретического материала в целом позволяет выделить для слова *ТАКОЙ* функции, которые так или иначе описаны.

Указательная функция слова *ТАКОЙ* заключается в указании на качество, свойство, называемое в предшествующей или последующей речи или устанавливаемое из каких-либо обстоятельств, ситуации, или в указании на качество, свойство лица, предмета.

⁴ В. А. Белошапкина является автором раздела «Синтаксис» в учебнике «Современный русский язык» (*Современный русский язык* 1989).

Усилительная функция ТАКОЙ заключается в выражении сильной степени проявления свойства, качества, оценки.

На материале устной речи данные функции являются наиболее частотными, однако функционирование слова *ТАКОЙ* ими не исчерпывается.

Особая природа местоимений влияет на то, как они переживают процесс прагматикализации, грамматикализации и идиоматизации. В данном контексте интересно отметить мнение А. М. Пешковского: «Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют <...> субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» (*Пешковский 1938: 65*).

ГЛАВА 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ (ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ, ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ, ИДИОМАТИЗАЦИЯ)

2.1. Процесс прагматикализации

Под *прагматикализацией* в настоящей работе понимается процесс перехода в речи определенных лексико-грамматических форм на коммуникативно-прагматический уровень языка, где единицы становятся сугубо прагматическими, начинают выражать не пропозициональное содержание предложения, а различные реакции говорящего на устный дискурс (*Graf 2011: 296; Günthner, Mutz 2004; Прагматические маркеры ... 2021: 16*). В ходе этого процесса полнозначные лексемы подвергаются десемантизации, значимость денотативного и сигнификативного элементов снижается, в то время как роль прагматического компонента повышается. (*Прагматические маркеры ... 2021: 16*).

В ходе процесса прагматикализации единицы проходят несколько этапов. От слова-источника они проходят по пути *десемантизация – (грамматикализация) – прагматикализация – закрепление функции (там же: 16)*. Полнозначное слово для прагматикализованной единицы является лишь источником.

Одним из важных этапов прагматикализации является утрата грамматических форм, или *редукция грамматической парадигмы*. В результате можно сказать, что процессы прагматикализации и грамматикализации тесно взаимосвязаны. Подробнее о связи этих двух процессов см. в разделе 3 настоящей работы.

В результате процесса прагматикализации в речи появляются новые единицы, обладающие определенным набором функций, которые реализуются в конкретных контекстах, – *прагматические маркеры (ПМ)*. *Прагматический маркер* является чисто функциональной единицей. Она представляет собой закрепленную определенную форму, которая «теряет

свои синтаксические функции и переходит на качественно иной, дискурсивный, уровень языка» (Горбунова 2018: 26) Такая единица функционирует на уровне организации процесса общения и зачастую связана с метакоммуникативностью.

Общие функции, выделяемые у различных маркеров, позволяют построить их классификацию (*Прагматические маркеры ...* 2021). Выделяют 10 категорий ПМ (*там же*: 22-26).

1. **Хезитативные ПМ** – служат для заполнения пауз хезитации, чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи, в ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения или в иных ситуациях:

1) *да там какие-то / эти самые / и ещё вот / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет // я не знаю* (ОРД);

2. **Маркеры-рефлексивы** – выражают реакцию говорящего на собственное речевое поведение, в частности, на произведенный хезитационный поиск, а также оценку степени адекватности найденной единицы изначальному намерению:

2) *ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его / (...) лабораторный день / или как сказать ?* (ОРД)⁵;

3) *и / значит / э-э так скажем немолодой уже / мужчина отправляется / э-э на отдых* (САТ);

3. **Разграничительные маркеры** – помогают говорящему структурировать устный текст, функционируя как стартовые, направляющие (навигационные) или финальные:

4) *далее / *П значит мы (э...э) *П (э...э) спис... берём / триста второй счёт / *П триста второй двадцать два соответственно материалы // *П должен быть / *П триста второй / *П двадцать три // *П как (э...э) денежные документы* (ОРД);

5) *ой / ну он его можно выкинуть / он такого качества / он в таком качестве / что мы его даже / уже теперь не понять кто что // ну вот я его оставляю / чтоб он там не путался // ну вот / вот это вот шесть*

⁵ Знаки *П и (...) в расшифровках ОРД означают хезитационные паузы разной длительности; () – заминка говорящего. О других особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материала ОРД см.: *Русский язык...* 2016: 242-243.

*пять ваша // **значит** / ну что сказать Люба% / ну это уже / ну это уже хирургия это уже не ко мне / это уже к хирургу это не к нам / да ? а вот / ну хотите приходите к нашему хирургу сюда (ОРД);*

б) *и она просто / у нее там на на уровне подсознания срабатывает / нет / не хочу / потому что // я не знаю почему / **думаю что** (ОРД);*

4. **Дейктические маркеры** – описательные ПМ с указательной функцией, содержащие три дейктических элемента подряд, по модели *вот (...)* *вот*:

7) ***вот этот вот** знаешь / альбуцид / *П (э) закапать в глаза ? (ОРД);*

8) *это довольно смешно выглядит со стороны // ну / наверно всё // **вот так вот** (САТ);*

5. **Метакоммуникативные маркеры** – помогают информанту осмыслять сказанное самому, а также устанавливать, а потом и поддерживать контакт с собеседником, вызывать верную интерпретацию им произнесенного высказывания:

9) *а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страховую **да** (а) сперва ? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / **понимаешь ?** (б) у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась *П **вот** (ОРД).*

6. **Маркеры самокоррекции** – помогают говорящему совершить замену лексического, грамматического или стилистического элемента в речи, исправить оговорку или ошибку:

10) *мой хороший ! позвонить мне / и узнать у меня ! *П ты мне звонишь и спрашиваешь о чём угодно / но об этом *В спросила бы / я бы тебе объяснила бы / *В и ты бы () уже давно бы сделала / и мне бы / в полдесятого / нервы не трепала бы / с этой ерундой / дурацкой ! с гектарами ! *П что они из вас / животноводов хотят () **этих** (...) фу ты () пахарей (...) чёртовых вырастить / что ли ? (ОРД);*

11) *и где-то **вот**] метра-ах наверно] в пяти от машины / лежит тело / [нрзб] ну на... написано что живой еще был пока / **вот это самое**] как авария не случилась (САТ).*

7. **Маркеры-ксенопоказатели** – вводят в повествование чужую (в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека, его реакции и т. д.» – Левонтина 2010: 284):

- 12) *она мне позвонила в общем ... *П на той неделе ... *П с криками просто ты с*ка ... *П забудь о Ларисе% я такой ... *П что простите ? *П говорит ты её вообще не скоро увидишь // *П а если увидишь то плохо будет / я такой ... *П что ? (ОРД);*
- 13) *ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П типа того что блин / *П *Х *П давайте общаться ! (ОРД);*
- 14) *ну да / женщина уже посмотрела на нас так / угу / с*ки (ОРД);*

8. Ритмообразующие маркеры – позволяют создать гармонию ритмических групп в речевом потоке (примеры ниже размечены с учетом относительной изохронности определенных фрагментов устного текста):

- 15) *слушай / где-то (...) | берут эти (...) | взрывные | вещества (ОРД);*
- 16) *девять тысяч там | с копейками (ОРД);*
- 17) *дабы не досталось / вот её сопернице (САТ).*

9. Маркеры-аппроксиматоры – показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит:

- 18) *но у Барчукова%-то как бы / но и машину *Н / и сама заработала восемьдесят тысяч (ОРД);*
- 19) *значит подарки как таковые / вот знакомые / соседи / они не дарят // они приносят / м-м натуральные продукты // кто поросёнка несёт / кто яйца несёт / вот кто что может / ну к столу как бы (САТ);*
- 20) *стоит только черепахе выйти / как / моментально на неё / э-э обрушивается атака / Патрика // э-э когда он был маленьким он вставал на неё передними лапами и катался // ну / что-то типа похожее на самокат получается // <смех> (САТ);*
- 21) *ну вот ну он значит был э грязный рыжий как они его в общем это самое нашли / подобрали / так вроде бы (САТ).*

10. Маркеры-заместители – употребляются взамен чужой речи, ряда перечисления или его частей:

- 22) *снайперка причём прилично стреляет // *П с этим / с оптикой / со всеми делами // *П а(:) / п... против кого они воевали (ОРД);*
- 23) *и она как на нас налетела ! вот там ты-ты-ты-ты-ты-ты / да мы алкаши там / ну что-то там такое / я не помню (ОРД);*
- 24) *на природе-е отдыхаю по-разному / гуляю / развлекаемся // и-и ну сами понимаете шашлыки и вс... все дела и ку... купание и загорание (САТ).*

Наличие такой подробной классификации, выделенной на материале живой разговорной речи⁶ позволяет говорить о важности изучения и описания таких речевых единиц, как прагматические маркеры.

2.2. Процесс грамматикализации

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой *грамматикализация* определяется так: «1) обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания; 2) утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции; 3) превращение словосочетания в аналитическую форму слова (Ахманова 1966: 25-26).

Сам термин «грамматикализация» был введен в лингвистику А. Мейе, который выделял два процесса создания грамматических форм: возникновение новых форм по аналогии с уже существующими и переход самостоятельного слова на роль грамматического элемента. Такой переход приводит к появлению новых грамматических показателей. Для описания этого процесса и использовался термин «грамматикализация» (Meillet 1965 [1912]: 131). Этот же термин А. Мейе использовал для описания процесса приобретения грамматического статуса словом, бывшим до этого автономным.

В современной лингвистике *грамматикализация* традиционно определяется как «изменение, происходящее с лексическими единицами и конструкциями в определенных языковых контекстах, предполагающее выполнение грамматических функций, а также результат грамматикализации, продолжающий развивать новые грамматические функции» («the change whereby lexical items and constructions come in certain linguistic contexts to serve grammatical functions, and once grammaticalized, continue to develop new grammatical functions» (перевод К. Д. Зайдес). – Е. Ш.) (Hopper, Traugott 2003: 18). При этом имеется в виду процесс формирования грамматических показателей, который затрагивает как морфемы, так и целые конструкции

⁶ О корпусе повседневной русской речи «Один речевой день» см. гл. 3 настоящего исследования.

(Lehmann 1995: 11). В ходе этого процесса языковое явление становится грамматическим или более грамматичным (*там же*: 27). Из «области лексического» единица переходит в «область грамматического», при этом иногда можно установить «путь грамматикализации» (*grammaticalization path*), принимая за крайние точки шкалы ее источник и результат (Bybee et al. 1994)⁷.

Это усиление грамматических свойств, закрепление единицы в определенной грамматической форме, часто происходит совместно с процессом прагматикализации. Не случайно некоторые исследователи не разделяют их и, по сути, считают их одним и тем же процессом. При этом прагматические и дискурсивные маркеры (ДМ) рассматриваются исследователями как результаты разных процессов.

Существует несколько взглядов на место ПМ и ДМ и соотношение процессов прагматикализации и грамматикализации (*Прагматические маркеры ...2021*).

1) семантическое и грамматическое изменение ДМ/ПМ – это грамматикализация, а термин «прагматикализация» является избыточным, ср., например: «And while items such as comment clauses (e. g., *I think*) are not part of the core syntactic structure of the sentence, they are nevertheless claimed to be clearly located within the grammar of the language, having an “adverbial-like function”» («И хотя такие единицы, как комментирующие клаузы (например, *I think*), не входят в синтаксическую структуру (ядро) предложения, они все же, очевидно, являются частью грамматики языка, обладая значением, похожим на значение наречий») (перевод К. Д. Зайдес. – Е. Ш.) (Heine 2003);

2) изменение ДМ/ПМ – это прагматикализация как подкласс грамматикализации (Diewald 2011), ср., например: «Pragmaticalization, it

⁷ Ср.: «В последнее время вновь становится популярной мысль о том, что целесообразно отказаться от “прокрустова ложа” четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов» (Арутюнова 1965: 89); «Для значительного количества языковых фактов типичные синтаксические модели и лексико-грамматические классы слов оказываются (таким. – Е.Ш.) “прокрустовым ложем”» (Бабайцева 1967: 7). Идея переходности и принцип шкалирования при описании функционирования той или иной единицы в устной речи оказывается чрезвычайно плодотворной.

seems to me, is just a subspecies of grammaticalization, not a distinct process. <...> although pragmatic parentheticals such as *I mean* are extrasyntactic, falling outside the core syntactic structure of the sentence, they are not agrammatical, and their adverbial-like function would place them squarely within the grammar» («Прагматикализация, как представляется, не является отдельным процессом. <...> Хотя прагматические вставные элементы типа *I mean* расположены “вне синтаксиса”, находясь за пределами синтаксической структуры высказывания, они не аграмматичны, а их смежная с наречной функция помещает их непосредственно в рамки грамматики») (перевод К. Д. Зайдес. – Е. Ш.) (Brinton 2010: 64);

3) изменение ДМ/ПМ – это прагматикализация как отдельный языковой процесс, поскольку грамматикализация приводит к формированию грамматических «маркеров» и показателей, которые функционируют внутри предложения, а прагматикализация – к образованию ДМ/ПМ, оперирующих в области структурирования текста на разных дискурсивных уровнях (Erman, Kotsinas 1993: 79);

4) иногда процесс развития ДМ/ПМ представляет собой грамматикализацию, а в некоторых случаях – прагматикализацию, в зависимости от конкретного маркера;

5) процесс изменения слова в ДМ/ПМ нельзя назвать ни грамматикализацией, ни прагматикализацией – например, это *кооптация* (*cooptation*) (Heine 2003).

Такое разнообразие взглядов и подходов вынуждает еще раз перечислить и сопоставить основные признаки исследуемых процессов (см. табл. 1).

Таблица 1

Признаки грамматикализованных и прагматикализованных единиц

Процесс	Грамматикализация	Прагматикализация
Черты		
Общие	1) утрата лексического значения 2) изменение грамматических признаков /	

	(редукция (фузия) и морфологизация (утрата морфосинтаксической автономности) (<i>Прагматические маркеры ... 2021</i>)	
Специфические		Синтаксическая изолированность (<i>Frank-Job 2006; Norde 2009; Beijering 2012</i>)
		возрастание прагматического компонента (<i>Auer, Günthner 2005; Brinton, Traugott 2005; Norde 2009</i>)
		положение прагматикализованного выражения вне условий истинности предложения (<i>Norde 200</i>)

В настоящем исследовании грамматикализация рассматривается, скорее, не как процесс превращения неграмматической единицы языка в грамматическую, или одного грамматического – в другое грамматическое, а как появление у некоторой единицы языка большего числа грамматических свойств.

2.3. Процесс идиоматизации

Термины *идиома* и *фразеологизм* описывают особые лексические единицы в системе русского языка. Сам термин *идиоматика* впервые был предложен И. Е. Аничковым (*Аничков 1992, 1997*). Сейчас же термины *идиома* и *фразеологизм* часто употребляются в лингвистике как синонимы, что зафиксировано, например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (*Ахманова 1966: 165-166; 503-504; см. также: Кунин 1996*).

Идиомы (от др.-греч. *ιδίωμα* – ‘особенность, своеобразие’) получили широкое описание на материале русского языка. В рамках настоящей работы необходимо уточнить понимание этого термина и пояснить, что же мы понимаем под *идиомой* и процессом *идиоматизации*.

При узком понимании термина к идиомам относятся только немотивированные и производные фразеологические единицы, которые

В. В. Виноградов в своей классификации именовал *фразеологическими сращениями*. Важным признаком фразеологической единицы при этом подходе становится отсутствие какой-либо связи, «даже потенциальной», фразеологизма со значением составляющих его компонентов (Виноградов 1977: 144).

Широкое понимание термина позволяет включать в класс фразеологических единиц все слова, которые ограничены в сочетаемости с другими единицами.

Представляется, что, несмотря на различия в описании и интерпретации места фразеологических единиц (ФЕ) в системе русского языка, выделяемые для их определения признаки являются объективной характеристикой этих сложных единиц. Так, среди важнейших их признаков выделяются устойчивость, воспроизводимость, цельность значения, не выводимого из значений компонентов ФЕ, раздельнооформленность, непереводаемость на другие языки, возможность структурных инвариантов и образование новых форм, образность и др. (см., например: Лю Даян 2020).

Устойчивость является одним из важнейших признаков идиоматической единицы. Строгое определение устойчивости предложил И. А. Мельчук. Он же предложил классификацию, которая выходит за пределы собственно лексических единиц – фразеологизмов. При данном подходе вводится термин *фразаема* – «словосочетание, означаемое и означающее которого не могут быть построены без ограничений и регулярно» (Иорданская, Мельчук 2007: 226).

Таким образом, под *идиомой* в настоящем исследовании понимается неоднословная языковая единица, характеризующаяся устойчивым употреблением в речи, цельностью значения, не выводимого из значений компонентов. Идиоматизация при этом является процессом становления таких единиц в русском языке, превращения свободных сочетаний – в идиомы. Надо отметить, что идиоматизация является не периферийным процессом, а «ключевой особенностью производства речи, которая в одном

случае приводит к возникновению предельно обобщенного правила, а в другом – к менее общему (Коптев, Стексова 2016: 10).

Необходимо отметить также, что приведенное понимание идиомы тесно связано с понятием *коллокации*, которое применяется в корпусной лингвистике. Под термином *коллокация* в широком смысле понимается «комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости (Захаров, Хохлова 2010: 137), ср.: «во главу угла ставится частота совместной встречаемости, поэтому коллокации в корпусной лингвистике могут быть определены как статистически устойчивые словосочетания» (*там же*: 138).

Представляется, что формирование коллокаций в устной речи может являться одним из этапов идиоматизации. Однако для превращения в полноценную идиому в сочетании должны произойти семантические изменения. В процессе идиоматизации «совместная встречаемость единиц в речевом потоке» является только началом процесса идиоматизации, а «строгое языковое правило – лишь одна из возможностей завершения этого процесса» (Коптев, Стексова 2016: 10). Для единицы *ТАКОЙ* подобное изменение наблюдается не всегда, но все же она часто становится составным элементом коллокаций.

Интересно отметить еще один современный взгляд на процесс идиоматизации, ср: «идиоматизация – динамический процесс, в ходе которого изменение языковой системы проходит через множество локальных обобщений, часть которых исчезает из языка, часть составляет его идиоматизированный компонент, часть расширяется до языковых правил широкого охвата. В этом смысле языковые единицы представляют собой континуум градуальных переходов по шкале «свободное – идиоматизированное» без четко очерченных границ» (*там же*: 25).

2.4. Выводы по разделу

Процессы прагматикализации, грамматикализации и идиоматизации являются активными в современном русском языке. Существующие

теоретические разногласия говорят о том, что вопрос их определения, изучения и описания по-прежнему является актуальным.

Для единицы *ТАКОЙ*, которая попадает под влияние всех трех процессов, они оказываются взаимосвязаны. Изменения, происходящие на одном уровне языка, «задевают» и другие уровни. Таким образом, слово *ТАКОЙ* является прекрасным примером того, как динамично меняются единицы в современной русской речи.

В следующей главе рассмотрим эти изменения подробнее.

ГЛАВА 3

СЛОВО *ТАКОЙ* В СВЕТЕ ПРОЦЕССОВ ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ, ИДИОМАТИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

3.1. *Материал и методика исследования*

Источником материала для настоящего исследования послужил корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД). Данный корпус является на сегодняшний день одним из самых репрезентативных для изучения русской спонтанной речи в самой естественной форме ее реализации – повседневного общения. Объем корпуса на данный момент составляет более 1250 часов звучания (более 1 млн. словоупотреблений в расшифровках) и состоит из речевых записей 130 информантов и более 1000 их коммуникантов.

В пользовательский подкорпус вошли 1 100 контекстов употребления единицы *ТАКОЙ*. Речевые эпизоды для анализа были выбраны случайным образом.

Представляется, что изучение особенностей устного дискурса на материале языкового корпуса является наиболее объективным. Объем собранного и доступного для анализа материала и применение методов корпусной лингвистики позволили выделить особенности функционирования единицы *ТАКОЙ* в устной речи и выделить переходные этапы для процессов прагматикализации, грамматикализации и идиоматизации.

Так, для прагматикализованного *ТАКОЙ* удалось выделить следующий набор функций:

- указательный маркер,
- усилительный маркер,
- хезитативный маркер,
- изобразительный маркер,
- маркер-ксенопоказатель.

Для проверки некоторых гипотез с помощью статистических подсчетов был привлечен материал устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ).

3.2. «Словарные» функции единицы *ТАКОЙ* в русской устной речи

В большинстве контекстов единица *такой* реализует свои словарные функции, т. е. употребляется в *указательной* и *усилительной* функциях. На материале устной речи реализация этих функций приобрела некоторые особенности. Рассмотрим примеры.

- (1) *а потом / *П задумал вот эту вот задумку / построить вот такой вот склад для корабельных брёвен // *В но () построили гораздо позже уже;*
- (2) *они конечно тоже изменились в цене / но ... # это было (...) уже (...) перед дефолтом / тоже **такое же** было состояние.*

В примерах (1) и (2) единица *ТАКОЙ* функционирует как «классическое» местоимение, при этом оно может реализовывать как синтаксические функции (2), а именно отсылать к сказанному ранее тексту, так и проявлять свои дейктические свойства (1).

Дейктическая функция местоимения *ТАКОЙ* представляется наиболее естественной для устной речи, так как отсылает в речи к внеязыковой действительности и часто сопровождается экстралингвистическими элементами: мимикой, жестами и указательной частицей *вот*⁸, ср.:

- (3) *а потом / *П задумал вот эту вот задумку / построить вот такой вот склад для корабельных брёвен // *В но () построили гораздо позже уже;*
- (4) *художественный мостик был / с **таким** вот входом / для одного конного экипажа / до сих пор высланный / брусчаткой;*
- (5) *дырка же там вот такая / *П большая она // я не считаю / что она маленькая // вот такая дырка.*

В примерах (3)-(5) говорящие явно обращаются к внеязыковой действительности, сопровождая речь жестом или указанием, без такого дополнения фразы теряют свой смысл.

⁸ Частица *вот* «употребляется при указании на кого-, что-л., находящееся или происходящее перед глазами, в непосредственной близости» [МАС 1999в: 219].

Усилительная функция *ТАКОЙ* на материале устной речи также проявляет некоторые интересные особенности, ср.:

- (6) *не чувствуешь этого / *П хотя да ... # потому что (...) когда(:) вот я помню / когда я лежала в больнице / *П с пузом / уж я не **такая** была страшная / мне было тогда ещё только (...) сорок лет;*
- (7) *подайте на пропитание ! ой ты масенький(:) / **такой** хороший / правда щеночек !*
- (8) *девушки / вы **такие** изобретательницы;*
- (9) *Марии% / я работала / *П и (:) в общем в итоге это в такой / вы... вы... вы... вы... (...) вылилось в **такой** гадюшник что / ну его / *П не хочу.*

В примерах (6) и (7) *ТАКОЙ* усиливает признак, выраженный прилагательным (*страшная, хороший*), но признак может быть выражен и существительным, как в примерах (8) и (9) (*изобретательницы, гадюшник*).

В некоторых контекстах усилительная функция сочетается в *ТАКОЙ* с синтаксическими функциями местоимения, ср.:

- (10) *что очень много наскальных росписей / в виде карты звёздного неба // *В он там увидел // *В вообще на самом деле культура **такая** тоже у-у-у // *П ацтеки / майя // кошмар;*
- (11) *это **такое** счастье вспоминать заботу / любовь / внимание (...) теплоту которой (...) ты окружала нас / и мы всегда и везде чувствовали даже будучи далеко-далеко от тебя.*

В примерах (10) и (11) *ТАКОЙ* явно отсылает к другой части высказывания, но при этом и усиливает признак, выраженный существительным (*счастье, кошмар*).

Интересной особенностью усилительной функции *ТАКОЙ* на материале устной речи является реализация этого слова в качестве *маркера энантиосемии*. Маркер *энантиосемии* усиливает признак, свойство, качество для показания противоположного значения, ср.:

- (12) **В / да / культурный у нас город// кругом **такая** культура ! и здесь культура и там культура;*
- (13) **П Пино_гри\$ // *П есть большая / оно тоже ничего / но это всё-таки () не то // # *П тогда мы последние бутылки купили / давно // # *П и всё выпили // # да / мы **такие** пьяницы / Лариса%.*

В примерах (12)-(13) говорящие вкладывают в свои высказывания идею отсутствия признака, который выражен определяемым существительным. Так, в примере (12) говорящий подразумевает отсутствие культуры. Это подчеркивается эмоциональностью и самой структурой высказывания.

В примере (13) отсутствие признака «пристрастия к алкоголю» подчеркивается и предыдущим контекстом, из которого ясно, что говорящий и его собеседник долгое время не покупали алкоголя.

Данные функции в устной речи отличаются и тем, что не теряют своих грамматических характеристик, в отличие от прагматикализованного *ТАКОЙ*.

3.3. Единица *ТАКОЙ* как прагматический маркер

В устной речи *ТАКОЙ* может реализоваться в качестве разных прагматических маркеров. Выделение того или иного маркера происходит на основе функции, которая закрепляется за *ТАКОЙ* в контексте. Так, слово *ТАКОЙ* может реализоваться в качестве:

- хезитативного маркера;
- маркера-ксенопоказателя;
- изобразительного маркера.

Рассмотрим их подробнее.

3.3.1. Хезитативный маркер

В качестве *хезитативного маркера* слово *ТАКОЙ* указывает на колебания говорящего в речи, связанные с поиском нужных ему слов. В функции хезитатива слово *ТАКОЙ* является явно прагматикализованным и напрямую соотносится с типологией прагматем (см.: Богданова-Бегларян 2014а; Звуковой корпус... 2015).

- (1) ну это место *такое* / очень (...) очень () *престижное* / **П курортное* // там где (...) заповедник Карадаг§;
- (2) так вот именно тот язык / на котором в этих мультиках разговаривают / то он именно вот / какой-то питерский / (и-и) *П (...) ну *такой* очень / **П ну / вот именно так и говорят *С*;

(3) *у меня есть друзья **такие** *П / вот / как бы ... *П (м-м) // с женой этого человека / я сегодня собиралась в музей Диего пойти.*

В приведенных примерах (1)-(3) хезитативный маркер **ТАКОЙ** употребляется не изолированно, он включен в хезитативную цепочку. Трудности в речепорождении говорящих маркированы дополнительными средствами. В примере (1) показателями хезитативности и поиска нужной единицы являются повторы слов (*очень*), паузы (*очень (...) очень () престижное / *П*). Поиск в этом примере оказался удачным – необходимое слово было найдено (*место...престижное, курортное*). В примерах (2) и (3) поиск оказался менее удачным. Интересно, что в примере (2) характеристика искомого слова появляется (*какой-то питерский*), но говорящий ею не удовлетворен, поиск продолжается. В этом примере показателями хезитативности являются долгие паузы (*П), неречевые звуки (*и-и*). Говорящий даже маркирует конец неудачного поиска: **П ну / вот именно так и говорят *С*. Необходимо отметить, что грамматическая форма хезитативного **ТАКОЙ** совпадает с искомой единицей, что подтверждается контекстами успешного поиска.

В примере (3) искомое слово в нужной форме так и не появляется, говорящий заменяет его словосочетанием, которое никак не соотносится с грамматической формой *такой*: *с женой этого человека*. Такой же обрыв в поиске наблюдается в примере (4), ср.:

(4) *у меня **такие** / у меня в понедельник как бы я что делаю / в понедельник я на кафедру не иду / я приезжаю где-то часов в пять домой / или в четыре / а дальше там уже / типа дома занимаюсь.*

Интересны контексты, в которых хезитативных элементов оказывается довольно много (в примере подчеркнуты), ср.:

(5) *оказывается / там вот с э... с этого входа / *В там у них вот к... / всякие конференц-залы / и там устраивают / *П всякого рода (э...э) вот **такие** (э...э) как это сказать / (...) *В ну вот (э...э) всякого рода там я не знаю / выступления / *В (э...э) образовательные **такие** / ну ше... шоу(?).*

В примере (5) присутствуют заполненные и долгие паузы (э...э; *П), сбои (*вот к...; ну ше... шоу*), дополнительные маркеры хезитативности (*ну вот, как*

это сказать). *ТАКОЙ* появляется и в середине поисковой цепочки, и как бы завершает ее, когда необходимое слово уже найдено (*образовательные такие*).

В пример (6) маркер *ТАКОЙ* «открывает» поиск, ср.:

- (6) *но он такой / *П он () более (...) с каким-то () желто... с желтизной с какой-то // он менее жёлтый / @ ну да / с какой-то желтизной // @ он более такой // *П ну вот этот вот мне нравится / *П он такой вот / *П и неяркий / и светленький.*

Говорящий ищет прилагательное в необходимой форме. Под эту форму естественно подстраивает *ТАКОЙ* и подбирает слова: *более жёлтый, неяркий, светленький*.

Несмотря на то что хезитативный маркер выделяется в данном исследовании в качестве отдельного ПМ, единица *ТАКОЙ* и в других своих контекстах часто обладает некоторым «хезитативным налетом». Представляется, что данное явление можно объяснить местоименной природой данной единицы. Такая особенность единицы приводит к случаям полифункциональности ПМ *ТАКОЙ*, ср.:

- (7) **Н // # и знаешь ли / там там там интересно / такое пиво / я вообще *Н / я даже (...) несколько глотков выпила / *П вкусное.*

В примере (7) *ТАКОЙ* явно включено в хезитативную цепочку (метакоммуникатив *знаешь, там(:) (м-м)*) и маркирует поиск, который оказывается вполне успешным (*пиво... вкусное*). При этом выделяется и усилительная функция *ТАКОЙ*. Говорящий явно дает высокую оценку пиву, маркер *ТАКОЙ* ее усиливает (*я даже (...) несколько глотков выпила, вкусное*).

3.3.2. Маркер-ксенопоказатель

Термин *ксенопоказатель* был введен Н. Д. Арутюновой для описания функционирования единиц *де, дескать* и *мол* (Арутюнова 2000). *Ксенопоказатели* понимаются автором как «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» (Арутюнова 2000: 437), основная функция которых «состоит в маркировке присутствия Другого» (*там же*: 448). Этот термин используют также В. А. Плунгян (Плунгян 2008) и И. Б. Левонтина

(Левонтина 2010). По мнению А. П. Суриной, «данный термин имеет свои преимущества и недостатки. *Мол* (здесь и далее в цитате курсив автора. – Е. Ш.) и подобные частицы часто указывают не только на передачу речи, но и на передачу предположительных мыслей другого человека, а также на интерпретацию жеста или поведения. *Ксенопоказатели* не имеют значения *показатель чужой речи*: это скорее показатель “чужого” вообще. В этом смысле данный термин удачнее термина *маркер ренарратива*, который указывает именно на то, что пересказывается речь. С другой стороны, внутренняя форма термина *ксенопоказатель* вводит в заблуждение: указание на принадлежность речи или мыслей *Другому*, является не вполне удачным, так как частицы типа *мол* маркируют пересказ не только чужой речи, но и слов самого говорящего, сказанных ранее или планируемых на будущее. При использовании данного термина приходится все время оговариваться, что под словом *чужая* подразумевается также и своя собственная речь, а это очень неудобно: мы привыкли, что термины должны быть емкими и точными» (Сурина 2017: 33-34)⁹.

Вслед за Н. Д. Арутюновой, в настоящей работе используется термин *ксенопоказатель* для обозначения единицы, вводящей в повествование чужую речь. Подобную функцию И. Б. Левонтина приписывает и частицам *грит/гыт, ах, вот* и др. (Левонтина 2010). Взгляд на данную функцию с точки зрения прагматики представлен в работе Н. В. Богдановой-Бегларян (Богданова-Бегларян 2014а) (см. также более поздние работы этого автора: она же 2021 а, б).

Рассмотрим примеры употребления маркера-ксенопоказателя *ТАКОЙ*:

- (1) *Н не получился ли какой ещё // *П я подошла (э) / ну () первая у кого я спросила / это к Маша_Астахова% / она **такая** / да да да / Настя% взяла у меня *Н четыре с половиной;
- (2) вот (...) и // что бы придумать такого чтобы они самостоятельно си... // я вчера их встречаю / на улице / ну в пятерочку / я шла как раз

⁹ Отметим, что термин *маркер ренарратива* используется в: Коптев 2014; Сурина 2017. Применительно к частицам типа *мол* встретился также термин *аппроксиматор-репортатив* (Подлеская 2017). Он подчеркивает, что исследуемые частицы являются маркерами приблизительного пересказа.

*в магазин /а был вечер / пол десятого // я **такая** / о-о/ вы приехали // а у вас завтра занятия будут ? / они **такие** / будут / я говорю / да-а / не повезло мне // а что такое ? // а у меня завтра у вас три ... два семинара.*

В примерах (1) и (2) **ТАКОЙ** очевидно вводит чужую речь, при этом в примере (2) этот маркер-ксенопоказатель помогает построить пересказ целого диалогического фрагмента. Интересно, что в данных примерах **ТАКОЙ** употребляется в контекстах с местоимениями. Для маркеро-ксенопоказателей такое сочетание является довольно частотным. Существительное употребляется со словом **ТАКОЙ** в качестве маркера-ксенопоказателя только в тех случаях, когда оно прямо называет субъект передаваемой речи. Если же субъект был назван ранее и он уже известен собеседнику, то говорящий употребляет местоимения, ср.:

- (3) *ну вот / и девка **такая** а-а-а / типа дерьмо / ну за волдырь(?);*
- (4) *ну вот // и он начинает громко говорить / чтоб мамаша услышала / типа того что блин там долго висела // мамаша **такая** о ! там типа Вальдемар% ! это вы там ! как о**енно пришли ! *В да нет / да вот я пришёл // да я не к вам хотел / а ей значит / в общем // *В тётка эта задвигается блин // не идёт там / значит вот в гостиную // *В садится / а тё... а бабулька ему там бл... **такая** довольная / наконец-то вы пришли / там и слава богу!*

В устном дискурсе маркер-ксенопоказатель **ТАКОЙ** образует и сочетания с глаголами, указывающими на речевую деятельность, и другими ксенопоказателями, ср.:

- (5) *я говорю / Кирилл% / только винчестер оставь / он там типа это / он ... а он **такой** / а он загруженный ? я говорю / так ты сам его загружал;*
- (6) *ну да // это знаешь / как водопроводчик / которого спрашиваешь / *П что нужно сделать / чтоб типа унитаз работал нормально / *П а(:) он / ничего не может объяснить // то есть он **такой** типа / а / ничего там / ржавый гвоздь вставлю / и ... *В.*

В примере (5), наряду с маркером **ТАКОЙ**, чужую речь передает и «классическая» полнозначная языковая конструкция – *я говорю*. В примере

(6) *ТАКОЙ* сочетается с ксенопоказателем *типа*¹⁰. Здесь говорящий прямо указывает на введение чужой речи и даже описывает поведение другого говорящего: *ничего не может объяснить*. Такую избыточность употребления маркеров введения чужой речи можно объяснить дополнительной функцией ксенопоказателей – характеристикой речевого поведения цитируемого собеседника. Такие примеры встречаются в материале исследования и в некоторой степени могут сближать его с изобразительным маркером, ср.:

- (7) *вот // ну и я такая тын-ты-тыдын / короче говоря / промазала *С;*
(8) *а я там такая / наяриваю / эти восьмёрки / вообще ! *С;*
(9) **В слушай // Кирилл% мне вчера заявил(:) такой / *П я / говорит / посмотрел / *П лучше / говорит / я тебе новый компьютер соберу / полностью.*

Примеры (7) и (8) в рамках данного исследования относятся к изобразительному типу ПМ *ТАКОЙ*. В примере (9) *ТАКОЙ* формально является ксенопоказателем, однако функционирует не самостоятельно. Он появляется перед пересказом диалога, а собственно речь вводится формой *говорит*. Ср. также:

- (10) *он мне такой з... / звонит и говорит // говорит / какую / большую кастрюлю готовить / или маленькую *С.*

Отдельную группу ксенопоказателей составляют модели типа <мест./сущ. + *ТАКОЙ* + *говорит*>, ср.:

- (11) *он такой / ну ладно говорит / давай;*
(12) *недавно получила / три четвёрки по немецкому // мама такая говорит / а почему не пятёрки ?*
(13) *поехали / на другую площадку заехали / и он такой мне говорит // вот видишь тот () куст шиповника / тебе нужно туда задом заехать;*
(14) *и говорю / только мне к этому доктору // она такая говорит / я поняла // *П что вы не хотите к своему // *П к той вра... к тому врачу / к вашему;*

¹⁰ Необходимо обратить внимание на употребление *типа* в более раннем примере (4). *Такой* повтор может быть интерпретирован как речевая особенность говорящего, однако это не отменяет функции слова *типа* как маркера-ксенопоказателя.

(15) *но как / ну нафотографировала всё это на фотик // мне **такая** Юля% говорит / мы уезжаем / десять дней тебе нечего будет делать / забивай всё это в комп / в экселе.*

В работе А. П. Суриной высказано предположение, что *ТАКОЙ* как маркер-ксенопоказатель как раз и «появился из конструкций типа *он такой говорит* (здесь и далее в цитатах курсив автора. – Е. Ш.) путем ее сокращения, ср.: *и он такой мне говорит // вот видишь тот () куст шиповника / тебе нужно туда задом заехать (ОРД)*» (Сурина 2017: 48). Для подтверждения данной гипотезы необходимо обратить особое внимание на данную конструкцию и провести отдельное исследование, чтобы рассмотреть образование маркера-ксенопоказателя в диахронии. Представляется, что употребление конструкции в современной речи наряду с самостоятельным ксенопоказателем *ТАКОЙ* также может говорить о дополнительной изобразительной функции ксенопоказателя, что отмечала и А. П. Сурина (там же).

Важным признаком прагматического маркера-ксенопоказателя становится его позиция во фразе. Хотя Н. Д. Арутюнова отмечала, что ксенопоказатели позиционно не закреплены в предложении, они «занимают блуждающую позицию» (Арутюнова 2000: 438). Поскольку они употребляются параллельно с глаголами речи/мысли, «это освобождает их от позиционной закреплённости и позволяет самоопредлиться» (она же 1992: 43). По данным А. П. Суриной, «это подтверждается на материале устной спонтанной речи лишь для некоторых МР (маркеров ренарратива. – Е. Ш.) (для *мол, дескать, типа, такой, grit*, но не для *так и так* или *типа того что*)» (Сурина 2017: 38). На материале пользовательского подкорпуса настоящего исследования постпозицию ксенопоказателя *ТАКОЙ* по отношению к наименованию субъекта передаваемой речи удалось выделить в качестве формального признака.

Еще одним важным признаком маркера-ксенопоказателя *ТАКОЙ* можно считать редукцию грамматической парадигмы. Маркер-ксенопоказатель *ТАКОЙ* теряет формы косвенных падежей и сохраняет

изменяемость только по роду и числу (в зависимости от рода и числа субъектов передаваемой речи), что подтверждают все приведенные примеры.

3.3.3. Изобразительный маркер

В качестве *изобразительного маркера* слово *ТАКОЙ* появляется в речи, когда говорящий чувствует необходимость в характеристике, оценке предмета, но не всегда может выразить ее самостоятельным словом или же дает дополнительную оценку при описании (основная характеристика может быть выражена прилагательным). При этом говорящий апеллирует к опыту собеседника или к общим с ним фоновым знаниям, ср.:

- (1) *ой слушайте / на четвёртой у вас ещё и гранулёмка на четвёртом такая лёгкая*;
- (2) *вот он как-то особо (...) ярко розы не видны / да ? но вкус приятный // нежный такой*;
- (3) *потом постепенно / *В и телефон старый такой / эбонитовый такой // *П там там там(?) на проволоке(?)*
- (4) *а он такой даже не сильно голубой / он какой-то такой вот ... @ он не голу... / он сиреневого / да / так вот ... кстати очень х... удобная этот штука / она ей неплохо / да? @ интересный.*

В примерах (1)-(4) изобразительный маркер *ТАКОЙ* употребляется в сочетании с прилагательными, следовательно, «помогает» говорящему уточнить, дополнить уже существующую характеристику. Представляется, что таким образом говорящий как бы закрепляет данную характеристику, удостоверяется, что собеседник восстановил ее значение в сознании.

Интересно отметить, что изобразительный маркер *ТАКОЙ* часто встречается в сочетании с неопределенным местоимением *какой-то*, ср.:

- (5) *вот то что маленьким и стареньким досталось // # *Н не битое / я вот знаешь / какое-то блюдец есть такое надкусанное*;
- (6) *всё равно / как () большинство / большинство ... # а мы ж какое-то такое хитрое шампанское купали*;
- (7) *а я не помню / я помню / что я его смотрела в детстве и мне ... // и я половины не поняла / но он такой завороченный / то есть () какие-то там / такие были перипетии.*

Такое сочетание может указывать не некоторую самостоятельность единицы *ТАКОЙ*. Или маркировать то, что можно назвать *маркером*

нечеткой номинации, который выделила и описала В. И. Подлеская (Подлеская 2013), ср.: «В такого рода контекстах средства нечеткой номинации позволяют информировать слушающего о том, что говорящий снимает с себя ответственность за точность вербализации и предоставляет слушающему возможность усиленного сотрудничества в реконструкции исходного смысла. При краткосрочном режиме маркер-заместитель временно подставляется в структурную позицию составляющей, для которой – из-за трудностей речепорождения – говорящему сразу не удастся подобрать адекватной реализации. После того как говорящий справляется с проблемой, он восстанавливает отложенную составляющую» (там же: 620). Маркер нечеткой номинации реализуется в рамках одной из двух стратегий – *совмещения* или *замещения*. При стратегии совмещения, в которой реализуется слово *ТАКОЙ*, «маркер используется совместно с неким контекстно приемлемым способом именованя – в качестве сигнала о неполном референциальном соответствии избранного способа» (там же: 642), ср.:

- *А ну там / как бы / уже вышел один мужик / он начал рассказать нам... ну / как бы свой доклад читать / да... да... Вот / а нам / по идее / надо слушать / а потом... ну / такие / как бы преподавателям отчёт сдаём [нрзб] [Рассказ о конференции (2006)]¹¹.*

Однако приведенные примеры в рамках данного исследования, скорее, можно отнести к хезитативным маркерам, которые как раз маркируют трудности при речепорождении. Представляется, что единица *ТАКОЙ* в данном случае сигнализирует как раз об уверенности говорящего в выбранной им характеристике и одновременно отсылает к опыту говорящего. Используя слово *ТАКОЙ*, говорящий как бы активизирует в памяти собеседника известные ему свойства предметов. Таким образом, наличие неопределенных местоимений внутри описательной цепочки <какой-то + прил. + изобразительный маркер *ТАКОЙ*> выступает в качестве средства снятия категоричности в высказывании.

¹¹ Пример В. И. Подлеской (Подлеская 2013: 624).

Отдельную группу изобразительных маркеров составляют высказывания с глагольными формами, ср.:

- (8) *и вот такой блин / (...) ну(:) так / слегка / они потом собирались уходить / у него там гастрит начинает срабатывать / такой / ой б***ь! начал всё жрать **такой** // *В она ему овсянику-то наложила // *В короче он похавал там // всё / ништяк;*
- (9) *вот / в общем три тысячи попросила // ну она там дала там ей / но три тысячи на тот момент это было д... / (э-это) / очень много / потому что знаешь это было / лет пятнадцать назад // ну она короче значит проходит **такая** @ угу // *Н ну в общем как-то спрашивает / слушай Ритка% а там *Н она говорит да нет @ угу;*
- (10) *опять старичок заходит в номер // *П на палочке // **такой** появляется блин;*
- (11) *она ему значит / она приходит в номер / **такая** ходит вся солидная / ухоженная **такая** блин дальше некуда.*

Характеристика, выраженная изобразительным **ТАКОЙ**, в сочетании с глаголами позволяет делать вывод, что таким образом говорящий дает характеристику и оценку поведению другого человека. В примере (11), который является фрагментом пересказа сюжета фильма, говорящий использует не только изобразительное **ТАКОЙ**, но и усилительное (*ухоженная **такая** блин дальше некуда*). Такое описание поведения вновь возвращает нас к дополнительной функции ксенопоказателя – характеристики чужого речевого поведения. Данный вопрос представляется дискуссионным и требует подробного самостоятельного исследования.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев единица **ТАКОЙ** находятся в *постпозиции* по отношению к существительному, к которому относится, ср.:

- (12) *а я думала что () ну этот (э) мужик / *П что он такой как бы сказать / что он псих **такой**;*
- (13) *у них глаза **такие** по полтиннику // ну представляешь / они сидят / ждут автобуса;*
- (14) *ну там тяжёлый дом // там стены **такие** все знаешь / ну новый дом вроде.*

Интересно рассмотреть единственный в пользовательском подкорпусе контекст, в котором *ТАКОЙ* функционирует в качестве изобразительного маркера в *препозиции* по отношению к существительному, ср.:

(15) *и сопельки появились / да ? # а вот со... сопли были **такая водичка** / а сейчас уже такие густые.*

Формально *ТАКОЙ* относится здесь к слову *водичка*, так как совпадает с ним по грамматической форме. Однако словосочетание *такая водичка* является характеристикой слова *сопли*. Таким образом, слово *ТАКОЙ* все равно оказывается в постпозиции по отношению к объекту, который оно характеризует.

Интересной особенностью этого маркера является не только сохранение его падежной парадигмы, но и некоторые семантические особенности. Так, М. Д. Войекова и Д. Н. Сатюкова в работе «Особенности функционирования местоимения *ТАКОЙ* в устной разговорной речи» (Войекова, Сатюкова 2010) выделяют целый ряд функций данной единицы, среди которых типизирующая, классифицирующая, функция грамматического оформителя. Представляется, что изобразительный маркер эти функции в себе сочетает. Его назначение состоит в том, чтобы вызвать понимание характеристики собеседником через обращение к его жизненному опыту. Отнесение к определенной группе (классу, типу) не противоречит этому назначению.

Изобразительный маркер *ТАКОЙ* представляет собой дискуссионный и весьма перспективный предмет исследования. Не случайно он назван своеобразным лингвистическим «джокером», ср: «в выражении “мы такие зажигаем” слово “такие” – лингвистический джокер, который замещает все...» (Кибиров 2005: 71).

3.4. Тенденция к идиоматизации сочетаний с единицей *ТАКОЙ*

Некоторые сочетания с единицей *ТАКОЙ* имеют явную тенденцию к устойчивому употреблению и функционированию в качестве

самостоятельных единиц. Такие единицы могут представлять собой *коллокации* – статистические устойчивые сочетания.

В качестве метода для проверки этой гипотезы была выбрана *теорема умножения вероятностей*, предложенная К. Мэннингом и Х. Шутце (Manning, Shutze 1999; см. ее применение в лингвистическом исследовании, например, в: Богданова-Бегларян 2020). Согласно этой теореме, вероятность одновременного наступления двух независимых событий равна произведению вероятностей этих событий.

Проверка предположения о том, что то или иное словосочетание можно трактовать как устойчивое, может быть осуществлена с помощью математических методов, и на объемном языковом материале. К сожалению, объем корпуса ОРД не позволяет применить данный метод и проверить выдвинутую гипотезу. Поэтому было решено обратиться к устному подкорпусу Национального корпуса русского языка.

Для того чтобы показать применение теоремы к материалу исследования, обратимся к конкретному примеру и рассмотрим словосочетание *таким образом*, которое зафиксировано в качестве устойчивого всеми академическими словарями (МАС 1999в: 334). Для того чтобы выявить степень устойчивости данного словосочетания, необходимо вычислить фактическую встречаемость (f) его элементов. Сначала производится поиск по корпусу.

Таким образом – 1 248 вхождений на 12 113 491 слово в подкорпусе;

(1) *Таким* – 3 449 вхождений на 12 113 491 слово;

(2) *Образом* – 3 223 вхождения на 12 113 491 слово;

$f_1 = 3\,449 : 12\,113\,491 = 0,00000083 \sim 0,0000008$;

$f_2 = 3223 : 12\,113\,491 = 0,00026607 \sim 0,0003$.

Перемножив эти показатели ($f_1 \times f_2$), получаем гипотетическую вероятность появления сочетания этих слов в речи. Однако если сравнить данное число с фактической встречаемостью целого словосочетания (f_3), нетрудно заметить, насколько эти показатели различаются:

$$f_3 = 1\ 248 : 12\ 113\ 491 = 0,00010303 \sim 0,0001.$$

$$f_1 \times f_2 = 0,0000008 \times 0,0003 \sim 0,0000000024.$$

f_3 (фактическая встречаемость словосочетания) оказалась намного больше произведения f_1 и f_2 , следовательно, можно говорить об идиоматичности данного словосочетания.

Некоторые устойчивые сочетания с единицей *такой* зафиксированы в словарях и грамматиках, ср.:

Таким образом

В таком роде / такого рода

В таком случае / в таком разе

До такой степени

И все такое (прочее)

Что такое (кто/что)?

Что же (ж) такое / что же (ж) такого?

Есть такое дело.

Интересно, что словарями отмечаются как словосочетания, так и целые модели, которые можно назвать конструкциями.

Однако на материале устной речи встречаются и сочетания, которые не зафиксированы и не рассмотрены в качестве фразеологических единиц, однако явно проявляют тенденцию к устойчивому употреблению. Вот примерный список данных сочетаний, собранный на основе материала ОРД:

Такая ерунда

(Что-нибудь) в таком духе

Бывает же такое

Ничего такого.

Рассмотрим устойчивые употребления данных единиц в сопоставлении друг с другом (см. табл. 2).

Таблица 2

Устойчивое употребление исследуемых коллокаций (с применением теории умножения вероятностей)

Коллокация	f1	f2	f3	Гипотетическая вероятность	Фактическая встречаемость	Больше примерно в ... (раз)
<i>Такая ерунда</i>	0,000 134 68	0,000 029 3		0,000 000 003 946 124	0,000 000 77	175
<i>В таком духе</i>	0,023 131 19	0,000 134 68	0,000 027	0,000 000 000 084 113	0,000 004 69	58 тыс.
<i>В таком роде</i>	0,023 131 19	0,000 134 68	0,000 013 54	0,000 000 000 042 181	0,000 001 31	31 тыс.
<i>Бывает же такое</i>	0,000 235 92	0,004 048 37	0,001 081 74	0,000 000 001 033 161	0,000 000 69	690
<i>Есть такое дело</i>	0,004 622 55	0,001 081 74	0,000 799 15	0,000 000 003 996 067	0,000 000 77	192
<i>До такой степени</i>	0,000 001 54	0,000 134 68	0,000 016 08	0,000 000 000 000 003	0,000 008 92	3 тыс.

Для всех приведенных сочетаний разница показателей гипотетической вероятности совместного употребления и фактической встречаемости сочетания оказывается очень значимой, следовательно, их можно отнести к устойчивым.

Однако устойчивое употребление является лишь одним из этапов процесса идиоматизации, так как в представленных сочетаниях не наблюдается значительного изменения значения, не равного значению его компонентов.

Интересным в этом контексте оказываются сочетания *таким образом* и *ничего такого*. Единица *таким образом* отмечена академическими словарями. Из свободного словосочетания она превратилась в единицу с новыми функциями (вводной конструкции и союза).

В составе коллокации *ничего такого* единица *ТАКОЙ* как раз меняет свое значение, ср:

- (1) [Смех] [жен] *Не / я видела / что он щас к нам подойдет / но я не знала с чем он к нам подойдет.* [жен] *Да. Да блин / ну блин / маленькая*

*бутылочка / ну это / тут нет **ничего такого**. Да / если бы вторая.*
[Смех] [жен] *Да ладно / блин. Нормально / блин* (УП НКРЯ);

- (2) [Мать, жен] *Ничего смешного в этом нет! Мальчики! Конечно / а как его еще назвать / если он с трудом отличает говядину от свинины / носит...* [Дочь, жен] *Ну это / мам / в нем **ничего такого**... Что тут такого? Подумаешь... Я и сама / может / тоже с трудом* (УП НКРЯ);
- (3) [жен] *Да / блин / это конечно / было что-то! Я так вот / что говорится / не ржала / давно!* [жен] *А чего она такого делала-то?* [жен] *Да вот она **ничего такого** не делала / она просто / как всегда начала все выпрашивать у перца! Да вы бы просто слышали!* (УП НКРЯ).

Представляется, что *ТАКОЙ* в подобных контекстах заменяет более экспрессивные единицы со значением ‘плохой’, ‘неподобающий’ и т. п., следовательно, есть основания выделить у данной коллокации функцию, близкую к эвфемизму.

Рассмотрим некоторые конструкции с единицей *ТАКОЙ* более подробно.

3.5. Единица *ТАКОЙ* в составе конструкций-коллокаций

В отдельную группу выделяются сочетания со словом *ТАКОЙ*, которые представляют собой не устойчивые сочетания, а более сложные модели употребления единицы *ТАКОЙ*, которые можно рассмотреть в рамках *грамматики конструкций*. Под *конструкцией* понимаются «языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения; любое языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения и плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (Кузнецова; Рахилина 2010:).

В данной группе удалось выделить несколько повторяющихся моделей.

Модель 1. < *ТАКОЙ* + сущ. + союзное средство >

- (1) *знаете / у меня даже **такое ощущение** / **что** Виктория не хотела / *П @ *Н @ чтобы я уходила;*
- (2) *здесь летом вода бродит / она просто булькает вот так вот // *П то есть () **такое ощущение** / **что** сюда приезжают...*

Сама модель < **ТАКОЙ** + сущ. + союзное > средство не является специфичной для устного дискурса. Она представляет собой стандартную синтаксическую структуру с местоименно-соотносительной связью. При этом в составе модели может употребляться любое существительное и любое союзное средство, ср.:

- (3) *но просто видимо он уже **такой** / *В **такой** застарелый там **процесс** / **что** даже пломбировка ему не помогла;*
- (4) *а у вас **такой накладной** нету / **чтобы** целое / **чтобы** вот так просто по... по количеству ?*

Однако сочетание < **ТАКОЙ** + ощущение + что > представляет собой уже не просто модель или конструкцию. Представляется, что она может быть названа *конструкцией-коллокацией* (КК) (см, о первом использовании такого термина: *Богданова-Бегларян, Цуй Лили 2019б*). Такое ощущение является коллокацией, что подтверждается теорией умножения вероятностей, при этом в сочетании с ней употребляется исключительно союз *что*, ср.:

- (5) *вот это вообще (:) // то есть **такое ощущение что** *П смотришь какой-то современный фильм **такой**.*

Представляется, что есть еще некоторые сочетания, которые претендуют на статус конструкции-коллокации, ср.:

***Такое впечатление что:** И снова мы видим хорошую игру Акинфеева. Он в форме/ он в форме/ **такое впечатление/ что** он всегда в форме [УП НКРЯ];*

***Такая мысль что:** И у нас **такая мысль/ что** эта девчонка еще и там подрабатывает по выходным [УП НКРЯ];*

***Такая идея что:** Вот **такая идея/ что** мы как бы двигаемся к некоей абсолютной истине [УП НКРЯ].*

Их употребление также отличается определенной устойчивостью (см. табл. 3).

Таблица 3

*Устойчивое употребление исследуемых КК (с применением теории
умножения вероятностей)*

КК	f1 - ТАКОЙ	f2	f3	гипотетическая вероятность	фактическая встречаемость	больше примерно в...
такое ощущение что	72 560	1 208	285 392		208	
	0,005 580 99	0,000 092 91	0,021 951 08	0,000 000 01	0,000 016	1600 раз
такое впечатление что	72 560	1426	285 392		131	
	0,005 580 99	0,000 109 66	0,021 951 08	0,000 000 01	0,000 010 08	1000 раз
такая мысль что	72 560	2 361	285 392		18	
	0,005 580 99	0,000 181 6	0,021 951 08	0,000 000 02	0,000 001 38	69 раз
такая идея что	72 560	3264	285 392		8	
	0,005 580 99	0,000 251 05	0,021 951 08	0,000 000 03	0,000 000 62	20 раз

Из таблицы 3 видно, что самыми устойчивыми оказываются КК *такое ощущение, что* и *такое впечатление, что*. Употребление конструкции-коллокации *такое ощущение, что* и его происхождение от местоименно-соотносительного предложения позволяют говорить о закреплении некоторой служебной функции за данной единицей. Представляется, что эта функция приближена к функциям вводных слов и конструкций. Превращаясь в новую полноценную единицу, компоненты *такой* и *ощущение* теряют свое лексическое значение.

Устойчивость употребления «классических» конструкций на материале устного дискурса можно рассмотреть в таблице 4.

Таблица 4

*Устойчивое употребление исследуемых конструкций (с применением теории
умножения вероятностей)*

модель	f1 - ТАКОЙ	f2	f3	гипотетическая вероятность	фактическая встречаемость	больше примерно в...
Т + сущ. + что	72 560	3 278 048	285 392		2339	
	0,005 580 99	0,252 132 89	0,021 951 08	0,000 030 89	0,000 179 91	5 раз
Т + сущ. + как	72 560	3 278 048	114 498		1758	
	0,005 580 99	0,252 132 89	0,008 806 68	0,000 012 39	0,000 135 22	10 раз
Т + сущ. + который	72 560	3 278 048	57 731		1650	
	0,005 580 99	0,252 132 89	0,004 440 41	0,000 006 25	0,000 126 91	20 раз
Т + сущ. + откуда	72 560	3 278 048	3 076		14	
	0,005 580 99	0,252 132 89	0,000 236 59	0,000 000 33	0,000 001 08	3 раза
Т + сущ. + чтобы	72 560	3 278 048	21 240		268	
	0,005 580 99	0,252 132 89	0,001 633 69	0,000 002 3	0,000 020 61	9 раз

Наиболее сильную тенденцию к устойчивости показывают модели с союзными средствами *который* и *как*. На данном фоне особый статус КК *такое ощущение, что* выделяется еще ярче.

Следующей моделью внутри группы КК с единицей *ТАКОЙ* выделяется сочетание *<ТАКОЙ + неопределенное местоимение>*, см. примеры и табл. 5.

- (5) *или... или какой-то немецкий ? там я не знаю / Бранденбургские_ворота / что-то такое;*
- (6) *не / нам вот что-нибудь такое / вот рублей за восемьдесят // *П я тебе сказала зелёную да нам надо ?*
- (7) *да () / нет там и с гражданством / и что-то такое и с вэлфером / значит / вот / с какими-то там... / или налог / что-то такое.*

Таблица 5

Устойчивое употребление исследуемых конструкций (с применением теории умножения вероятностей)

модель	f1 - ТАКОЙ	f2	f3	гипотетическая вероятность	фактическая встречаемость	больше примерно в...
<i>что-то + Т</i>	72 560	14 791			809	
	0,005 580 99	0,001 137 66		0,000 006 35	0,000 062 22	10 раз
<i>что-нибудь + Т</i>	72 560	3 588			129	
	0,005 580 99	0,000 275 97		0,000 001 54	0,000 009 92	6 раз
<i>какой-то + Т</i>	72 560	26 475			458	
	0,005 580 99	0,002 036 34		0,000 011 53	0,000 352 27	30 раз
<i>какой-нибудь + Т</i>	72 560	3 201			39	
	0,005 580 99	0,000 246 21		0,000 001 37	0,000 003	2 раза

В качестве одной из моделей можем выделить также вопросительные конструкции с *такой*, ср.:

- (8) *мы когда жили / *П на биостанции / *П там можно было / ну там дорога... # какой станции ? биостанции в Крыму\$ // а что это такое ?*
- (9) *важно... важно... важно спонтанная речь // @ вот и музыка ! @ угу # Галя% / а что такое чёрное там?*

Эти конструкции отмечены и академическими источниками.

3.6. Единица *ТАКОЙ* на шкале переходности

Описание особенностей единицы *ТАКОЙ* позволяет говорить о взаимосвязи процессов прагматикализации, грамматикализации

и идиоматизации Наиболее верно и ясно место единицы *ТАКОЙ* на разных этапах этих процессов иллюстрирует веерная шкала переходности¹².

Метод шкалирования представляется самым удачным, так как позволяет отказаться от крайних оценок. Для единицы *ТАКОЙ*, которая склонна к полифункциональному употреблению и которая находится на некоторых переходных этапах, такой метод описания кажется наиболее подходящим. Повторим уже приведенную выше цитату Н. Д. Арутюновой: «В последнее время вновь становится популярной мысль о том, что целесообразно отказаться от “прокрустова ложа” четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть метод количественной оценки, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов» (Арутюнова 1965: 89).

Особенности сочетания процессов прагматикализации и грамматикализации представлены на рисунке 1.

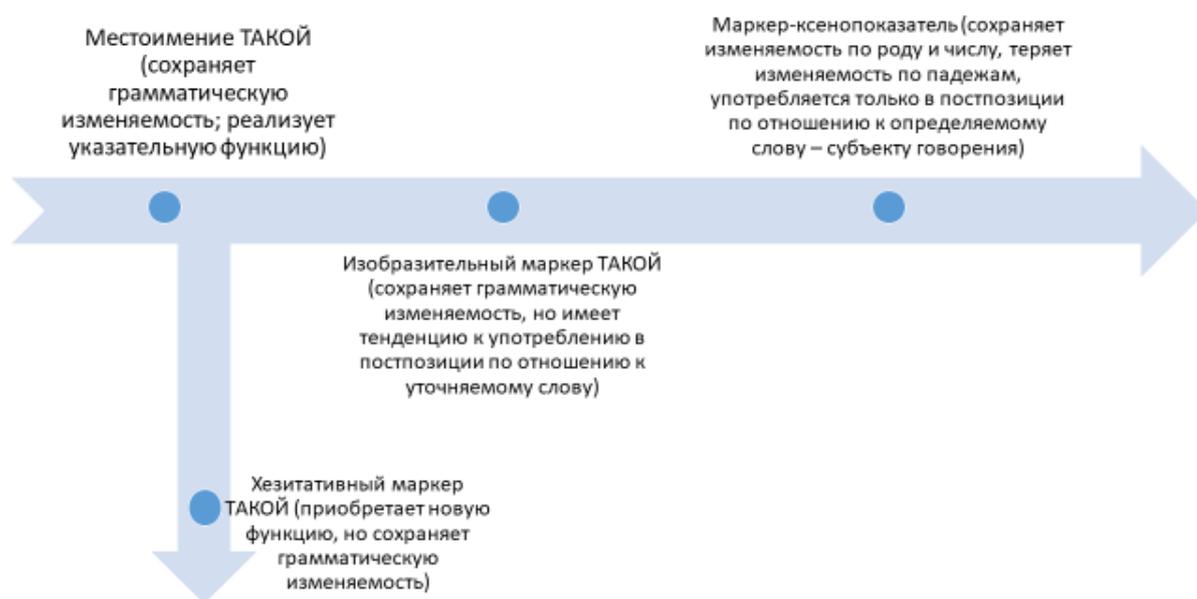

Рис. 1. Шкала прагматикализации единицы *ТАКОЙ*

¹² Данная шкала была построена по модели, предложенной Р. Р. Шамсутдиновой для описания природы лексемы *ничего*. Автор отмечает диффузность и синкретизм этой единицы и показывает, что «поэтапные “веерные” преобразования и есть реализация ее местоименной сущности» (Шамсутдинова 2019: 221). Думается, что подобный подход правомерен и для описания функционирования лексемы *ТАКОЙ*, имеющей такую же «местоименную сущность». См. также веерную шкалу переходности для местоимения *самый*, построенную с использованием материала корпуса ОРД: Сунь Сяоли 2021.

На рисунке 1 можно видеть, что исходной точкой для двух процессов является местоимение *ТАКОЙ*. Оно реализует свою указательную функцию, при этом сохраняет всю свою грамматическую парадигму. Местоимение в этой роли естественно встроено в синтаксическую структуру высказывания и может занимать в предложении любую позицию. Более прагматикализованная единица, *изобразительный маркер ТАКОЙ*, приобретает в речи новые функции, но продолжает изменяться по падежам, родам и числам так же, как и местоимение. Однако у этого маркера уже наблюдается тенденция к употреблению в постпозиции к уточняемому или определяемому слову. Наиболее прагматикализованным на первом векторе шкалы становится *маркер-ксенопоказатель ТАКОЙ*. Он не только закрепляется в постпозиции к наименованию субъекта речи, но и теряет способность изменяться по падежам. Ксенопоказатель *ТАКОЙ* изменяется только по родам и числам и закрепляется в форме Им. п.

Интересно также рассмотреть взаимосвязь процессов на примере маркера-ксенопоказателя (см. рис. 2).

Рис. 2. Переходность местоименного слова ТАКОЙ на новый прагматический уровень (превращение в маркер-ксенопоказатель и сопутствующие изменения на других языковых уровнях)

Изменения, происходящие с единицей *ТАКОЙ*, меняют ее признаки одновременно на нескольких уровнях. Как уже отмечалось выше, отправной

точкой является местоимение *ТАКОЙ*. Переживая процесс прагматикализации, слово *ТАКОЙ* на крайней точке этого пути не просто теряет некоторые формы, но и приближается к частицам, передающим чужую речь, которые когда-то тоже были полнозначными словами. Таким образом, происходит процесс перехода единицы из одной грамматической категории в другую. При этом происходит позиционное закрепление единицы – она употребляется в постпозиции к определяемому слову. Этот признак характерен для устойчивых выражений, переживающих процесс идиоматизации.

3.7. Количественная характеристика материала

Рассмотрим количественное распределение функций слова *ТАКОЙ* в пользовательском подкорпусе (см. рис. 3).

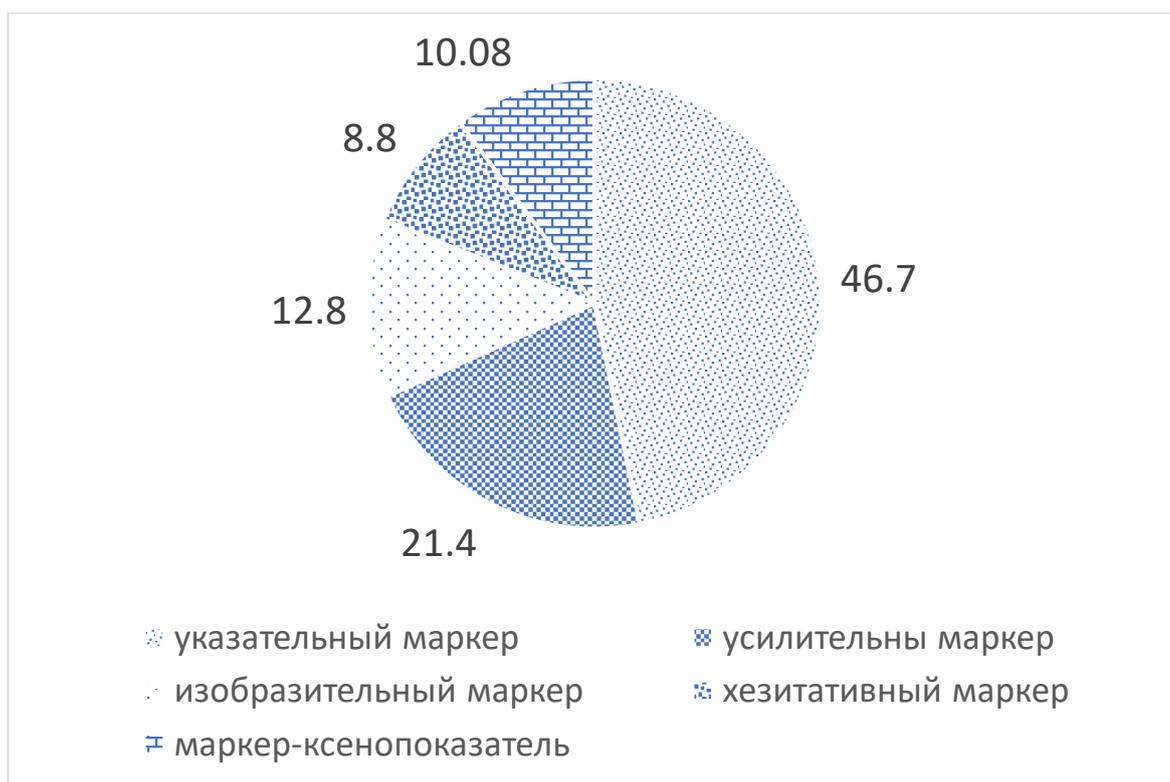

Рис. 3. Количественное распределение функций слова *ТАКОЙ* в пользовательском подкорпусе (%)

В большинстве контекстов единица *ТАКОЙ* реализует свои словарные функции: *указательную* (46,7 %) и *усилительную* (21,4 %). Следующей по частоте употребления является *изобразительная* функция (12,8 %). Немного

меньшую долю занимают функция *ксенопоказателя* (10,08 %) и *хезитативная* (8,8 %).

В пользовательском подкорпусе выделяется довольно объемная доля несамостоятельного употребления *ТАКОЙ*. В составе коллокаций, конструкций, и конструкций-коллокаций доля употреблений этого слова составляет 34,5%. Как правило, внутри этой группы единице была присвоена ее местоименная функций, но есть и случаи функционирования в качестве усилительного маркера.

Необходимо отметить и одиночные употребления единиц *такой-то* и *такой-сякой*. В общей выборке эти контексты составляют меньше одного процента. Представляется, что данные единицы требуют отдельного рассмотрения¹³.

3.8. Выводы по разделу

Единица *ТАКОЙ* в русской устной спонтанной речи подвергается одновременно нескольким активным процессам – грамматикализации, прагматикализации и идиоматизации. При этом ни один из процессов не проходит самостоятельно, они все взаимосвязаны, что отражается на характеристиках слова *ТАКОЙ*, будь оно частью конструкции или самостоятельным прагматическим маркером. Переход на коммуникативный уровень сопровождается редукцией некоторых грамматических форм, как и закрепление в составе конструкции-коллокации.

Представляется, что некоторые специфические черты, которые выделяются у *ТАКОЙ* на разных этапах этих процессов обусловлены его местоименной природой. Не случайно, самым частотным употреблением в устной речи все равно остается *ТАКОЙ* в качестве указательного местоимения.

¹³ См., впрочем, о единице *такой-сякой* (на корпусном материале): *Попова* 2016, 2017.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной русской устной речи единица *ТАКОЙ* подвергается действию трех активных и значимых для развития языка в целом процессов – прагматикализации, грамматикализации и идиоматизации. В результате этих процессов исходное слово – местоимение *ТАКОЙ* – меняет свой статус, приобретает новые функции, утрачивая при этом некоторые признаки класса местоимений как части речи.

При этом протекание каждого процесса происходит не изолированно, а в тесной связи с другими процессами. Например, прагматикализация единицы *ТАКОЙ* тесно связана с ее грамматикализацией. У местоименного слова *ТАКОЙ* эти процессы обладают некоторым специфическими характеристиками. Так, прагматикализованное *ТАКОЙ* – маркер-ксенопоказатель – в отличие от других прагматических маркеров, теряет лишь часть свои грамматических форм, сохраняя способность изменяться по роду и числу и «подстраиваться» под существительное или местоимение, к которому оно относится. Следовательно, для маркера-ксенопоказателя *ТАКОЙ* признак синтаксической изолированности в контексте оказывается не релевантным.

Представляется, что сама местоименная природа слова *ТАКОЙ* располагает к его изменению в речи. Являясь местоимением, оно лишено лексического значения, однако обладает определенным набором функций. Эти функции в ходе процесса прагматикализации ослабляются, но не исчезают полностью, что приводит к случаям полифункционального употребления данной единицы.

Невозможность полной грамматикализации, застывания данной формы, обусловлена адъективной природой этого местоименного слова. *ТАКОЙ* подстраивается под слово, к которому относится. Представляется, что дальнейшая редукция парадигмы для данной единицы на современном этапе развития русского языка невозможна.

Процесс идиоматизации для единицы *ТАКОЙ* также является специфичным. Не являясь полнозначной лексемой, *ТАКОЙ* не может утрачивать или изменять значение, однако присущая ему возможность усиливать признак, давать оценку целому высказыванию, позволяет говорить о влиянии данной единицы на другие полнозначные слова и способствовать изменению их значения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ДМ	– дискурсивный маркер
КК	– конструкция-коллокация
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
ОРД	– корпус повседневной русской речи «Один речевой день»
ПМ	– прагматический маркер
САТ	– корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»
УП	– устный подкорпус Национального корпуса русского языка.
УР	– устная речь
ФЕ	– фразеологическая единица

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аничков И. Е.* Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А. Мейе, 1927) // Вопросы языкознания. – 1992, № 5. – С. 140–150.
2. *Аничков И. Е.* Идиоматика и семантика // *И. Е. Аничков.* Труды по языкознанию. – СПб.: Наука, 1997. – С. 88-100.
3. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Изд. фирма «Восточная литература» РАН, VIII с., 1995. – 472 с.
4. *Арутюнова Н. Д.* О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов / *В. М. Жирмунский, О. П. Суник* (ред.). – М., Л.: Наука, 1965. – С. 89-93.
5. *Арутюнова Н. Д.* Де, дескать, мол // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. *Н. Д. Арутюновой.* – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437–452.
6. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
7. *Бабайцева В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1967. – 390 с.
8. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. *Е. В. и Т. В. Венцель;* Ред., вступ. статья [с. 3-19] и примеч. *Р. А. Будагова.* – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
9. *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
10. *Блумфилд Л.* Язык / Пер. с англ. *Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат.* Коммент. *Е. С. Кубряковой;* Под ред. и с предисл. *М. М. Гухман.* – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
11. *Богданова Н. В.* Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2002. – 323 с. (машинопись).
12. *Богданова-Бегларян Н. В.* Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: *блин* с лингвистической и социолингвистической точек зрения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13 (20). По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2014 (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.) / Гл. ред. *В. П. Селегей.* – М.: РГГУ, 2014. – С. 80-88.
13. *Богданова-Бегларян Н. В.* ЭТО СВЯТОЕ: «иронизация» значения идиомы, или «спуск» с семантико-стилистической высоты // *Słowo. Tekst. Czas XIII: Frazeologia w dyskursie i przekładzie / M. Hordy* (red.). –

Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2020. – S. 85-94.

14. *Богданова-Бегларян Н. В.* О ксенопоказателях в русском языке/речи: лексикографическая традиция и современные процессы // Международная научная конференция по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен», Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова 2-4 июня 2021 года (Нижний Новгород, Россия). – Нижний Новгород: НГЛУ, 2021а. – В печати.
15. *Богданова-Бегларян Н. В.* Маркеры-ксенопоказатели в русской повседневной речи: аннотирование речевого корпуса, типология и количественные данные // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2021» (SPb Corpora 2021). 1-3 июля 2021 г., Санкт-Петербург. – СПб., 2021б. – В печати.
16. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д.* Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин.* – СПб.: Политехника-принт, 2017а. – С. 8-13.
17. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин.* – СПб.: Политехника-принт, 2017б. – С. 14-20.
18. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю.* Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. *А. М. Молдован.* Отв. ред. выпуска *В. А. Плунгян.* – М., 2019а. – С. 111-126.
19. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю.* Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. *А. М. Молдован.* Отв. ред. выпуска *В. А. Плунгян.* – М., 2019б. – С. 101-110.
20. *Богданова-Бегларян Н. В., Цуй Лили.* Слово *нет* в зеркале коллоквиалистики: о специфике функционирования в устной речи

одного их самых частых слов повседневного русского дискурса // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). – Vol. 4. Iss. 2, 2019a. – Pp. 66-71.

21. *Богданова-Бегларян Н. В., Цуй Лили.* Грамматическая специфика повседневной русской речи: на стыке конструкции и коллокации // *Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования* / Под ред. *О. И. Глазуновой и К. А. Роговой.* – М.: ЛЕНАНД, 2019б. – С. 466-475.
22. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
23. *Винокур Т. Г.* Устная речь и стилистические свойства высказывания // *Разновидности городской устной речи. Сб. научных трудов* / Ред. *Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская.* – М.: Наука, 1988. – С. 44-84.
24. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография.* – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
25. *Воейкова М. Д., Сатюкова Д. Н.* Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований.* Изд-во ИЛИ РАН (St Petersburg). – 2010. Т. 6. № 2. – С. 184-224
26. *Граф Е. И.* Прагматикализация и грамматикализация в языке // *Материалы II Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире»* (Москва, филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 21–24 марта 2012 г. – С. 259.
27. *Горбунова Д. А.* Функционирование прагматем в русской устной повседневной речи: психолингвистический аспект. Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2018. – 83 с. (машинопись).
28. *Грамматика русского языка* / Под ред. *В. В. Виноградова, Е. С. Истрина.* – М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2, ч. 2, – 721 с.
29. *Грамматика современного русского литературного языка* / Отв. ред. *Н. Ю. Шведова.* – М.: Наука, 1970. – 767 с.
30. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / Пер. *П. Билярского* // *В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. 2-е изд., доп.* – М.: Просвещение, 1960. – С. 68-86.
31. *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.
32. *Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 48 с.

33. *Захаров В. П., Хохлова М. В.* Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9. (16). – М.: РГГУ, 2010. – С. 136-143.
34. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
35. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.
36. *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Смысл и сочетаемость в словаре. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 672 с.
37. *Камынина А. А.* Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
38. *Кибиров Т.* Речевые стили в средствах массовой информации. Круглый стол «03», 8 июня 2005 года // Отечественные записки. – № 2, 2005. – С. 67-90.
39. *Кибрик А. А., Подлесская В. И.* (ред.) Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
40. *Капустина Т. Д.* Функциональные возможности формы *по идее* в устной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. – № 2 (16), 2018. – С. 52-65.
41. *Коптев М. В.* Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. – СПб.: Наука, 2014. – С. 712-740.
42. *Коптев М. В., Стексова Т. И.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. – М.: Языки славянской культуры, 2016. – 167 с.
43. *Крылов С. А., Падучева Е. В.* Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева.* 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002 – С. 294-295.
44. *Рахилина Е. В.* Лингвистика конструкций / Отв. ред. *Е. В. Рахилина,* М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010 – 504 с.

45. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
46. *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // *Б. А. Ларин.* История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 175-191.
47. *Левонтина И. Б.* Русское финальное *a*? Портрет невидимки // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Ред. *Л. П. Крысин, И. М. Богуславский.* – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 144-152.
48. *Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). – М.: РГГУ, 2010. – С. 284-289.
49. *Лю Даян.* Молчать как рыба в пироге (об одной потенциальной идиоме русской разговорной речи) // Русистика и современность. Монография. Часть 1 / Под ред. *И. П. Лысаковой, Е. А. Железняковой.* – СПб.: Северная звезда, 2018. – С. 98-103.
50. *Лю Даян.* Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2020. – 201 с. (машинопись).
51. *Осьмак Н. А.* Мужчинка: семантические метаморфозы // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2012. Вып. 2 (18). – С. 61-66.
52. *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. Учебник для университетов. – М.: Высшая школа, 1979. – 256 с.
53. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М., Учпедгиз, 1938 – 452 с
54. *Плунгян В. А.* О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие / *B. Wiemer & V. A. Plungjan* (eds.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.* – München: Sagner, 2008. – S. 285-311.
55. *Подлесская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции. – М.: РГГУ, 2013. – С. 619–632.
56. *Подлесская В. И.* «Я скажу тебе с последней прямокой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой

// Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2017 г.). Выпуск 16 (23). – М.: РГГУ, 2017.

57. *Попова Т. И.* Сложные прагматемы-редупликации в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. – 2016, № 3 (9). – С. 36-48.
58. *Попова Т. И.* Опыт дискурсивного анализа составных редуплицированных прагматем // Русская филология 28: сб. научных работ молодых филологов. – Тарту: Тарту. ун-т, 2017. – С. 308-313.
59. *Прагматические маркеры* русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Нестор-История, 2021. – 528 с. (В печати).
60. *Русская грамматика:* В 2-х т. Том I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Гл. ред. *Н. Ю. Шведова* / Репринтное издание. – М.: Российская АН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2005. – 784 с.
61. *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. *Н. В. Богдановой-Бегларян.* – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
62. *Сибирякова И. Г.* Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Отв. ред. *Т. В. Матвеева.* – Екатеринбург: Арго. – С. 115-135.
63. *Синько Л. А.* Местоимение в синтаксической системе: основные функции // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008, № 11 (71): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология): Научный журнал. – С. 80-88.
64. *Современный русский язык:* Учеб. для филол. спец. ун-тов / Под ред. *В. А. Белошапковой.* 2-е изд., и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
65. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / Под ред. *Р. И. Шор.* – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
66. *Сунь Сяоли.* Слово *САМЫЙ* на веерной шкале переходности (по данным речевого корпуса) // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателя кафедры С. Г. Стерлигова (май 2021 г., Нижний Новгород). – Н. Новгород, 2021. – В печати.

67. Сурина А. П. Маркеры ренарратива в разных типах устной речи. Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2017. – 105 с. (машинопись).
68. Цуй Лили. Непартикулярное слово *нет* в устной повседневной речи: функционально-семантическая характеристика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. –Т. 10, № 1, 2018а.– С. 14-26.
69. Цуй Лили. *Годится? Нет?* (об одной типичной конструкции русской разговорной речи) // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018». Тезисы докладов. 9-13 апреля 2018 г. – М.: МГУ, 2018б [Электронный ресурс] (дата обращения – 04.04.2020).
70. Шамсутдинова Р. Р. «Веерная» переходность местоимения *ничего* // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. науч. трудов Междун. научного симпозиума / Науч. ред. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 221-228.
71. Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 11-12.
72. Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 141-146.
73. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. Перевод с англ. А. К. Жолковского // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-112.
74. Якобсон Р. О. Речевая коммуникация // Р. О. Якобсон. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306-318.
75. Auer, P., Günthner, S. Die Entstehung von Diskursmarkern im Deutschen – ein Fall von Grammatikalisierung? // Grammatikalisierung im Deutschen (Linguistik – Impulse & Tendenzen), 9 / T. Leuschner, T. Mortelmans (eds.). – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. – Pp. 335–362.
76. Beijering, K. Expressions of Epistemic Modality in Mainland Scandinavian. A Study into the Lexicalization-Grammaticalization-Pragmaticalization Interface. – Groningen: Rijksuniversiteit Groningen dissertation, 2012. – 231 p.
77. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. – Springer, Switzerland, 2016a. – Pp. 100-107;
78. Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. SPECOM 2016, Lecture Notes in Artificial

- Intelligence, LNAI, vol. 9811. – Springer, Switzerland, 2016b. – Pp. 659-0666.
79. *Brinton, L. J.* The Development of *I mean*: Implications for the Study of Historical Pragmatics // *Methods in Historical Pragmatics / S. M. Fitzmaurice, I. Taavitsainen* (eds.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 37–80.
 80. *Brinton, L. J.* The Development of *I mean*: Implications for the Study of Historical Pragmatics // *Methods in Historical Pragmatics / S. M. Fitzmaurice, I. Taavitsainen* (eds.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 37–80.
 81. *Bybee, J. L., Perkins, R. D., Pagliuca, W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 420 p.
 82. *Diewald, G.* Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions // *Linguistics*. – № 49 (2), 2011. – Pp. 365–390.
 83. *Erman, B., Kotsinas, U.-B.* Pragmaticalization: The Case of *ba'* and *you know* // *Studier i Modern Språkvetenskap*. – № 10, 1993. – Pp. 76–93.
 84. *Frank-Job, B.* A Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers // *Approaches to Discourse Particles / K. Fischer* (ed.). – Amsterdam: Elsevier, 2006. – Pp. 395–413.
 85. *Graf, E.* Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. – Frankfurt am Main, 2011. – 328 p.
 86. *Günthner, S., Mutz, K.* Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // *W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer* (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. – Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. – Pp. 77-107.
 87. *Heine, B.* Grammaticalization // *The Handbook of Historical Linguistics / B. Joseph, R. Janda* (eds.). – Oxford: Blackwell, 2003. – Pp. 575–601.
 88. *Hopper, P. J., Traugott, E. C.* Grammaticalization. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 300 p.
 89. *Lehmann, C.* Thoughts on Grammaticalization. Revised and expanded version. 2nd ed. – München: LINCOM Europa, 1995. – 230 p.
 90. *Linell, L.* The Written Language Bias in Linguistics // *Studies in Communication 2*. Department of Communication Studies. University of Linköping. – Linköping, 2005. – 195 p.
 91. *Manning, Ch., Schütze, H.* Collocations. Foundations of Statistical Natural Language Processing. – MIT Press. Cambridge, MA – 1999.

92. *Meillet A L`evolution des forms grammaticales // Scientia. 1912. 12 (26). P. 384 – 400. [Reprinted in: Meillet. A. Linguistique historique et linguistique generale. Paris, 1965.]*
93. *Norde, M. Degrammaticalization. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 270 p.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ

1. *БАС* – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Том 15. *Т – тятя*. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – 1286 с.
2. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. *МАС* – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. А – Й / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999а. — 702 с.
4. *МАС* – Словарь русского языка: В 4-х т. Том II. К – О / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999б. – 736 с.
5. *МАС* – Словарь русского языка: В 4-х т. Том IV. С – Я / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999в. – 794 с.
6. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*: 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
7. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 762 с.
8. <http://www.ruscorpora.ru>.